

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки/специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ»

Обучающийся

Р.Г. Бадертдинов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Рост преступности требует совершенствования мер пресечения, а общественный запрос на безопасность сталкивается с необходимостью защиты прав личности, что создает дискуссии о балансе карательных и гарантирующих функций уголовного процесса. Меры пресечения остаются одной из ключевых тем в уголовно-процессуальном праве, что обусловлено их значительным влиянием на баланс между эффективностью правосудия и защитой прав личности. Несмотря на то, что меры пресечения находятся в постоянном развитии, по сей день остаются нерешенными ряд проблем как теоретико-правового, так и практического характера. Это делает исследование востребованным как для науки, так и для правоприменителей.

Цель работы – теоретико-правовой анализ понятия меры пресечения, а также процессуального порядка избрания, отмены или изменения той или иной меры пресечения. Задачи исследования: рассмотреть понятие и системы уголовно-процессуального принуждения; провести анализ системы мер пресечения и оснований их применения; изучить применение заключения под стражу и домашнего ареста; исследовать запрет определенных действий и залог; рассмотреть иные меры пресечения в уголовном процессе.

Предмет исследования - является совокупность правовых норм, регулирующих основания применения, порядок избрания и виды мер пресечения в уголовном процессе России.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся в процессе применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общая характеристика мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения России.....	7
1.1 Понятие и система уголовно-процессуального принуждения	7
1.2 Понятие и система мер пресечения.....	11
1.3 Основания применения мер пресечения.....	21
Глава 2 Процессуальные особенности избрания и реализации отдельных мер пресечения в уголовном процессе России.....	26
2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении. Личное поручительство.....	26
2.2 Наблюдение командования воинской части. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.	33
2.3 Домашний арест как мера пресечения.....	38
2.4 Заключение под стражу как мера пресечения	51
Глава 3 Проблемы применения отдельных мер пресечения в российском уголовном процессе и пути их решения	60
3.1 Проблемы применения запрета определенных действий.....	60
3.2 Проблемы применение залога в уголовном процессе.....	65
Заключение	81
Список используемой литературы и используемых источников.....	84

Введение

Уголовное преследование часто встречает на своем пути противодействие со стороны лиц, в отношении которых оно осуществляется, что обуславливает необходимость существования мер уголовно-процессуального принуждения, призванных обеспечить возможность и эффективность уголовного преследования. Государство использует меры уголовно-процессуального принуждения для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, защиты общественных интересов и прав граждан. Без этих мер уголовный процесс стал бы неэффективным, а правопорядок – необеспеченным.

Безусловно, соблюдение четких норм закона при применении мер уголовно-процессуального принуждения – это обязательное условие их легитимности и справедливости. Так, меры принуждения ограничивают конституционные права и нарушение процедуры превращает их в незаконное насилие. Доверие к государству и правосудию со стороны общества возможно только при применении мер принуждения строго по процедуре закреплённым нормативно-правовыми актами государства, что является основой любого правового государства. Это требует пересмотра подходов к избранию мер пресечения с учетом конституционных принципов.

Меры пресечения остаются одной из ключевых тем в уголовно-процессуальном праве, что обусловлено их значительным влиянием на баланс между эффективностью правосудия и защитой прав личности. Рост преступности (в том числе организованной киберпреступности) требует совершенствования мер пресечения, а общественный запрос на безопасность сталкивается с необходимостью защиты прав личности, что создает дискуссии о балансе карательных и гарантирующих функций уголовного процесса.

Несмотря на то, что меры пресечения находятся в постоянном развитии, по сей день остаются нерешенными ряд проблем как теоретико-правового, так и практического характера. Это делает исследование востребованным как для

науки, так и для правоприменителей. Таким образом, актуальность исследований мер пресечения обусловлена динамикой законодательства, проблемами правоприменения, развитием альтернативных мер и необходимостью баланса между интересами правосудия, и защитой прав личности.

Степень разработанности темы исследования характеризуется наличием значительного количества научных работ, посвященных общим вопросам применения мер пресечения в уголовном процессе. Вместе с тем, специфика мер пресечения в уголовном процессе исследована недостаточно полно. Отдельные аспекты применения мер пресечения рассматривались в работах ученых-процессуалистов, однако комплексного исследования проблем реализации данной меры пресечения с учетом современной правоприменительной практики не проводилось. В исследованиях мер пресечения в уголовном судопроизводстве принимали участие многие российские ученые. Так, меры пресечения становились предметом исследований таких учёных, как: И.Л. Петрухина, М.С. Строговича, С.А. Шейфера, А.Д. Бойкова, Л.М. Фетищева, С.И. Глизнуца, О.А. Анисимова, Лупинская, И.Д. Мальцагов, С.И. Вершинина, В.М. Корнуков, А.В. Смирнов, А.А. Трефилов, А.А. Усачев, Ю.В. Францифоров и многих других. Эти ученые внесли значительный вклад в изучение мер пресечения, уделяя внимание теоретическим основам и практическим проблемам.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся в процессе применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве России.

Предмет исследования - является совокупность правовых норм, регулирующих основания применения, порядок избрания и виды мер пресечения в уголовном процессе РФ, а также правоприменительная практика.

Цель работы – теоретико-правовой анализ понятия меры пресечения, а также процессуального порядка избрания, отмены или изменения той или иной меры пресечения.

Задачи заключаются в:

- исследовании понятия и системы уголовно-процессуального принуждения;
- анализе системы мер пресечения и оснований их применения;
- изучении применения заключения под стражу и домашнего ареста;
- исследовании запрета определенных действий и залога;
- изучении иных мер пресечения в уголовном процессе.

Нормативную основу работы составили нормы: Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ), федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок применения мер пресечения.

Методологическую основу исследования составили метод прогнозирования, диалектического материализма, логический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа и другие.

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе представлен комплексный анализ теоретических и практических проблем применения мер пресечения с учетом современного состояния законодательства и правоприменительной практики. В результате исследования выявлены проблемные аспекты избрания и применения мер пресечения, предложены пути их решения, сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Структура исследования включает в себя введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения России

1.1 Понятие и система уголовно-процессуального принуждения

В современном уголовном судопроизводстве институт мер процессуального принуждения представляет собой фундаментальный инструментарий, обеспечивающий эффективное функционирование механизма уголовно-процессуальной деятельности и надлежащую реализацию процессуальных функций участниками уголовного судопроизводства. При этом научно-теоретический анализ и обобщение правоприменительной практики свидетельствуют о наличии существенных коллизионных аспектов в интерпретации нормативных положений, регламентирующих данный процессуально-правовой институт. Комплексное исследование системы мер принуждения требует многоаспектного анализа как теоретико-методологических оснований данного института, так и особенностей его практической имплементации в современных условиях.

Нормативно-правовая регламентация мер процессуального принуждения осуществляется посредством системы положений, закрепленных в главах 12-14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [23]. Анализ правовой природы мер процессуального принуждения позволяет выделить ряд конститутивных элементов, определяющих их сущностные характеристики. К таковым относятся: целевая детерминация, содержательные компоненты, субъектный состав правоотношений, процессуальный порядок реализации, характеристики применения, совокупность оснований и условий, а также публично-правовой характер, обусловленный реализацией данных, мер от имени государства.

Существенный вклад в теоретическое осмысление пределов уголовно-процессуального принуждения внес В.Ю. Мельников, сформулировавший четыре фундаментальных правила: недопустимость необоснованного

ограничения прав и свобод личности, не детерминированного обстоятельствами дела и законной необходимостью; недопустимость игнорирования охраняемых законом интересов иных лиц, влекущего непринятие необходимых мер уголовно-процессуального принуждения путем ограничения соответствующих прав и свобод подозреваемого, обвиняемого; императив соблюдения баланса охраняемых законом интересов личности, общества и государства при применении мер уголовно-процессуального принуждения.

«Теоретико-правовой анализ института мер процессуального принуждения свидетельствует о многообразии подходов к их классификации в юридической доктрине. При этом нормативная классификация, закрепленная в УПК РФ, предусматривает деление мер принуждения на задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14)» [27].

«В научной доктрине разработаны альтернативные классификационные подходы, основанные на различных критериях. В частности, исследователи предлагают классификации мер принуждения по последствиям их применения, по субъектному составу (меры, применяемые к подозреваемым и обвиняемым, а также к иным участникам судопроизводства), по признаку принудительной изоляции обвиняемого или подозреваемого. Методологическое значение многоаспектной интерпретации мер процессуального принуждения, базирующейся на дифференцированных классификационных критериях, заключается в формировании фундаментальной основы для их системного понимания и совершенствования правоприменительной практики» [20].

Научно обоснованная классификация позволяет не только упорядочить теоретические представления о системе мер принуждения, но и оптимизировать механизм их практической реализации.

«Особого внимания в контексте исследования института принудительных мер в российском уголовно-процессуальном праве

заслуживают отдельные процессуальные инструменты, характеризующиеся либо высокой частотностью применения в правоприменительной практике, либо наличием коллизионных аспектов в механизме их реализации. Анализ данных инструментов позволяет выявить как системные проблемы правового регулирования, так и частные недостатки нормативной регламентации отдельных процедурных вопросов. Существенной характеристикой мер процессуального принуждения выступает их специфический правовой режим, детерминирующий автономию данного института в системе государственно-принудительного воздействия. Данная автономность проявляется в особом порядке применения мер принуждения, специальных гарантиях прав участников уголовного судопроизводства, а также в наличии системы контроля за законностью и обоснованностью их реализации» [27].

Эффективность функционирования института мер процессуального принуждения непосредственно связана с неукоснительным соблюдением нормативно установленного алгоритма их применения, что выступает важнейшей гарантией обеспечения законности в уголовном судопроизводстве. При этом процессуальный порядок применения мер принуждения должен обеспечивать оптимальный баланс между необходимостью достижения целей уголовного судопроизводства и минимизацией ограничения прав и свобод личности.

«Существенное значение для понимания правовой природы мер процессуального принуждения имеет анализ их целевой направленности. В отличие от уголовного наказания, меры процессуального принуждения не преследуют цели исправления правонарушителя или восстановления социальной справедливости. Их основное предназначение заключается в обеспечении надлежащего порядка уголовного судопроизводства, предупреждении возможных нарушений со стороны его участников и создании условий для эффективного расследования и разрешения уголовных дел» [27].

«Анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной регламентации оснований и порядка применения мер процессуального принуждения. Особого внимания заслуживают вопросы обоснованности избрания конкретных мер принуждения, соразмерности ограничения прав личности целям их применения, а также эффективности механизма судебного контроля за законностью принимаемых решений. В контексте развития цифровых технологий актуализируется проблема использования современных технических средств при осуществлении контроля за исполнением отдельных мер процессуального принуждения. Данное направление совершенствования правового регулирования требует разработки соответствующих процессуальных механизмов и гарантий соблюдения прав участников уголовного судопроизводства» [27].

Итак, «уголовно-процессуальное принуждение – это предусмотренные законом меры государственного воздействия, применяемые уполномоченными органами и должностными лицами в рамках уголовного судопроизводства для обеспечения порядка, предупреждения и пресечения преступлений, а также для надлежащего исполнения процессуальных обязанностей» [11].

Это меры, которые:

- носят государственно-властный характер;
- применяются только уполномоченными субъектами;
- направлены на обеспечение целей уголовного процесса;
- ограничивают права и свободы лиц в строго установленных законом случаях.

Меры пресечения в уголовном процессе делятся на три группы:

- задержание подозреваемого;
- меры пресечения;
- иные меры процессуального принуждения.

Так, все меры должны соответствовать целям уголовного процесса; быть пропорциональными тяжести деяния; применяться только при наличии оснований; контролироваться судебным надзором.

Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение – это необходимый инструмент для эффективного расследования и судебного разбирательства, но его применение строго регламентировано законом во избежание произвола. Отметим, что «институт мер процессуального принуждения представляет собой сложную правовую конструкцию, эффективность функционирования которой определяется качеством нормативной регламентации и уровнем правоприменительной практики. Дальнейшее развитие данного института должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод личности».

1.2 Понятие и система мер пресечения

Меры пресечения – это предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации способы воздействия на обвиняемого (подозреваемого), применяемые для обеспечения его участия в уголовном судопроизводстве, предотвращения противодействия расследованию и защиты общества от возможных новых преступлений.

Основными признаками мер пресечения необходимо выделить следующее: применяются только к обвиняемому или подозреваемому; носят принудительный характер; избираются по решению суда, следователя или дознавателя; должны быть обоснованными и соразмерными тяжести преступления.

Меры пресечения в России имеют глубокие исторические корни, их развитие происходило параллельно с эволюцией уголовного права и судопроизводства. Рассмотрим ключевые этапы их становления.

Древнерусский период (IX-XVI вв.). В IX-XII веках меры пресечения как таковые отсутствовали, но существовала коллективная ответственность общины за своих членов. В XIII-XVI веках появились первые аналоги мер пресечения – поручительство. Поручительство – это община или влиятельные лица ручались за явку обвиняемого на суд. В случае побега несли наказание, вплоть до выплаты штрафа или даже смертной казни. В судебниках 1497 и 1550 гг. поручительство оставалось единственной мерой, не связанной с лишением свободы, но применялось редко и только по просьбе обвиняемого.

Период централизации государства (XVI-XVIII вв.)

Соборное уложение содержало нормы о задержании подозреваемых, но основной мерой стало тюремное заключение. При Петре I усилился государственный контроль и поручительство утратило имущественный характер. Основной мерой оставалось содержание под стражей. Екатерина II ввела важные реформы: Наказ 1767 года закрепил идеи гуманизации, разделяя подсудимых и осужденных. «Общий тюремный устав» (1767 года) установил правила раздельного содержания, улучшил условия заключения и ввел право на защиту.

В XIX веке происходит систематизация мер пресечения: заключение под стражу, домашний арест, полицейский надзор, поручительство.

Советский период (XX век) ознаменовался принятием в 1922 году УПК РСФСР который сохранил заключение под стражу как основную меру, но теперь следователь мог избирать ее без санкции прокурора. УПК РСФСР 1960 года требовал уже санкцию прокурора для ареста, что стало шагом к защите прав обвиняемых.

Современный период (с 1993 года) следует отметить с принятия Конституции Российской Федерации, которая провозгласила приоритет прав человека, что повлияло на уголовный процесс в первую очередь. Так УПК РФ 2001 года ввел судебный порядок избрания мер пресечения, включая арест, что соответствует международным стандартам. Таким образом в

историческом аспекте меры пресечения в России прошли путь от коллективной ответственности общины до строгой регламентации в УПК РФ.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 5 содержит лишь определение применения меры пресечения как процессуальных действий, осуществляемых с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения [23]. Такое законодательное решение представляется недостаточным, поскольку раскрывает лишь временные границы применения мер пресечения, не затрагивая их сущностных характеристик и целевого назначения. Подобная ситуация создает правовую неопределенность, которая негативно сказывается на правоприменительной практике и может приводить к нарушениям прав участников уголовного процесса.

«Введение легального определения мер пресечения представляется крайне необходимым для устранения существующих проблем правоприменения. Неопределенные и неточные понятия ведут к неясности и расплывчатости закона, что неизбежно затрудняет уяснение его смысла и отрицательно сказывается на практике применения» [21]. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность выработки научно обоснованного определения мер пресечения, которое могло бы стать основой для совершенствования законодательства.

В современной процессуальной науке сложились три основных подхода к пониманию правовой природы мер пресечения.

«Первый подход рассматривает меры пресечения как элемент уголовной или уголовно-процессуальной ответственности. Сторонники данной позиции, включая М.П. Карпушина и В.И. Курляндского, обосновывают свою точку зрения тем, что подозреваемый и обвиняемый в процессе применения к ним мер пресечения претерпевают значительные ограничения прав и свобод» [8]. Особенно весомым аргументом в пользу данной позиции является возможность продления срока содержания под стражей до 18 месяцев

согласно части 3 статьи 109 УПК РФ, что придает правовым ограничениям долговременный характер.

Справедливо отмечает А.С. Ушаков, что «никакая отрасль права не может существовать без своего понятийного аппарата, позволяющего юридически определять те или иные явления окружающей действительности и регулировать правоотношения» [25]. Эта позиция представляется методологически верной, поскольку понятийный аппарат образует основу любой правовой системы и обеспечивает единство в понимании и применении правовых норм. В контексте мер пресечения отсутствие четкого определения создает риски произвольного толкования их природы и целей.

Позиция М.П. Карпушина и В.И. Курляндского заслуживает внимания в части указания на серьезность правовых ограничений, которые влекут меры пресечения. Действительно, длительное содержание под стражей существенно ограничивает конституционные права личности. Однако данный подход представляется односторонним, «поскольку сводит сущность мер пресечения исключительно к карательному аспекту, игнорируя их превентивное назначение. Кроме того, отождествление мер пресечения с ответственностью противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку ответственность может наступать только после установления вины в приговоре суда» [8].

Второй подход акцентирует внимание на моральном и психологическом воздействии мер пресечения. Представители данного направления полагают, что «определение мер пресечения должно включать моральное и психологическое воздействие» [1]. А.Е. Белоусов развивает эту идею, утверждая, что «меры пресечения носят характер процессуального принуждения, включая моральное воздействие, с целью достижения конкретных задач, отраженных в законе, и обладают свойством превентивности» [3].

Позиция М.С. Строговича [22] имеет несомненные достоинства в плане ясности и простоты формулировки. Автор правильно акцентирует внимание

на превентивном характере мер пресечения и их принудительной природе. Однако определение представляется неполным, поскольку не охватывает всех целей применения мер пресечения, предусмотренных современным законодательством. В частности, не учитываются такие основания применения мер пресечения, как предупреждение воспрепятствования производству по уголовному делу и продолжения преступной деятельности.

Позиция А.Е. Белоусова «интересна попыткой комплексного подхода к пониманию мер пресечения, включающего как принудительный, так и психологический аспекты. Автор справедливо указывает на превентивный характер этих мер. Однако акцентирование внимания на моральном воздействии представляется спорным, поскольку такое воздействие не является специфической особенностью мер пресечения, а характерно для любых принудительных мер в уголовном процессе» [3]. Кроме того, выделение морального воздействия как сущностной характеристики мер пресечения может создать предпосылки для злоупотреблений со стороны правоприменителей.

Определение А.С. Барабаша [1] представляется наиболее полным из рассмотренных, поскольку охватывает различные формы воздействия и множественность целей мер пресечения. Автор справедливо указывает на законодательную основу мер пресечения и детализирует их цели. Особенно ценным представляется указание на предупреждение воспрепятствования установлению истины и продолжения преступной деятельности. Однако формулировка содержит некоторые неточности, в частности, упоминание уклонения от отбывания наказания не вполне корректно, поскольку наказание назначается приговором суда, а меры пресечения применяются на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства.

Анализ законодательного регулирования показывает, что законодатель, не давая определения мер пресечения, тем не менее достаточно детально регламентирует их применение. Цели мер пресечения можно систематизировать следующим образом. Первая группа целей связана с

обеспечением явки подозреваемого или обвиняемого в органы предварительного расследования и суд. Данная цель является традиционной и наиболее очевидной, поскольку эффективное производство по уголовному делу невозможно без участия лица, в отношении которого ведется производство. Вторая группа целей направлена на предупреждение воспрепятствования производству по уголовному делу. Это может включать предотвращение уничтожения или сокрытия доказательств, воздействия на свидетелей, потерпевших и других участников процесса, а также иные формы противодействия расследованию.

Третья группа целей связана с предупреждением продолжения преступной деятельности. Данная цель особенно актуальна в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, а также в случаях, когда имеются основания полагать, что обвиняемый может совершить новые преступления. Четвертая группа целей направлена на обеспечение исполнения приговора. Хотя данная цель прямо не указана в статье 97 УПК РФ, она логически вытекает из необходимости обеспечения неотвратимости наказания как одного из принципов уголовного права.

Пятая группа целей связана с обеспечением экстрадиции в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации. Данная цель приобретает особую актуальность в условиях развития международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Особое внимание следует уделить принципам применения мер пресечения. Принцип законности требует, чтобы меры пресечения применялись только в случаях и порядке, прямо предусмотренных законом. Принцип обоснованности предполагает наличие достаточных фактических данных, «свидетельствующих о необходимости применения конкретной меры пресечения. Принцип соразмерности требует соответствия избираемой меры пресечения тяжести инкриминируемого деяния и степени общественной опасности обвиняемого. Основания применения мер пресечения носят превентивный характер и направлены на обеспечение надлежащего поведения

подозреваемого или обвиняемого в ходе производства по уголовному делу. Разнообразие видов мер пресечения позволяет обеспечить дифференцированный подход к их применению с учетом характера совершенного деяния и личности правонарушителя» [1].

Так, в соответствии со ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК РФ. В случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут, за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы.

Качество предварительного расследования и судебного разбирательства напрямую зависит от корректной оценки необходимости введения меры пресечения, что требует чёткого определения её допустимых границ. Мера пресечения выступает как инструмент балансировки между задачами правосудия и соблюдением прав человека, являясь важным регулятором уголовно-процессуальной деятельности. Это обстоятельство стимулирует законодателя к непрерывному совершенствованию нормативного обеспечения данного института.

Так, в соответствии со статьей 98 УПК РФ мерами пресечения являются:

- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу.

Применение таких мер рассматривается как оправданное в публичных интересах. Меры пресечения, действуя принудительно и вопреки воле подозреваемых и обвиняемых, включают как ограничения (например, запрет на определенные действия), так и обязательства (например, явка по вызовам). Они оказывают значительное психологическое, физическое и нравственное давление на лиц, подвергающихся таким мерам, а также могут затрагивать их имущественные права и интересы. Дальнейшее развитие института мер пресечения должно осуществляться в направлении совершенствования их правового регулирования, развития альтернативных видов и усиления гарантий прав участников уголовного процесса.

Уполномоченными на применение мер пресечения являются должностные лица, прямо указанные в законе: следователи, дознаватели, судьи и судебные органы, в чьем производстве находится уголовное дело.

Цели применения мер пресечения регламентируются строго определенными задачами согласно УПК РФ:

- профилактика возможных правонарушений и предотвращение общественно опасных действий со стороны обвиняемых или подозреваемых, включая их вероятное уклонение от следствия, суда и продолжение преступной деятельности либо угрозы безопасности участников процесса;

- устранение препятствий для всестороннего расследования всех аспектов дела с целью установления полных обстоятельств инцидента.

Функциональность мер пресечения, направленных как на непосредственное предотвращение нарушений, так и на их предупреждение, усложняет теоретическое и практическое осмысление.

В научном сообществе существуют разные подходы к целям применения таких мер. Э.М. Карагазян выделяет основную цель - успешное расследование уголовных дел и их судебного рассмотрения. Л.В. Кокорева подчеркивает необходимость выполнения процессуальных обязанностей обвиняемыми, но при этом указывает на более широкую задачу – обеспечение надлежащего порядка в ходе уголовного судопроизводства. М.С. Строгович акцентирует внимание на обеспечении явки обвиняемых в суд и к следователю [22]. Эти разнообразные точки зрения отражают сложность и многоаспектность целей мер пресечения.

В рамках статьи 99 УПК РФ учитываются персональные характеристики обвиняемого: возраст, здоровье, семейное положение и род деятельности; также анализируется наличие постоянного места жительства и смягчающие/отягощающие обстоятельства. При этом осуществляется поиск наиболее мягкой меры пресечения в интересах справедливого уголовно-процессуального производства.

Так, при выборе меры пресечения ключевым является наличие обоснованных подозрений, подтвержденных данными о причастности к преступлению, исключая доказательства самого события правонарушения. Однако мера пресечения в виде заключения под стражу применяется чрезмерно часто, несмотря на принцип исключительности (ст. 108 УПК РФ). Альтернативные меры (запрет определенных действий, залог) используются редко из-за недоверия судов и слабой правовой регламентации.

Предполагаем, что сложилась устойчивая следственная и судебная практика, где заключение под стражу воспринимается как «гарантия» явки

обвиняемого. Судьи в свою очередь опасаются брать на себя ответственность за возможные негативные последствия (побег, давление на свидетелей). Все это обусловлено недостатками правового регулирования, так расплывчатые формулировки УПК РФ о критериях выбора меры пресечения способствуют этому. Нет четких критериев и методик оценки рисков (побега, продолжения преступной деятельности).

Думаем, что решение данных проблем возможно при четкой регламентации критериев выбора меры пресечения и введение системы оценки рисков. Также, по нашему мнению, необходимо развивать инфраструктуру для применения альтернативных мер пресечения. Постепенно ситуация меняется, так в 2022-2024 годах отмечается рост применения домашнего ареста и запрета определенных действий, однако коренные изменения требуют времени и системных реформ [5].

Итак, меры пресечения – «это принудительные меры процессуального характера, которые назначаются государством, ограничивают права подозреваемого (обвиняемого) и обеспечиваются механизмами принуждения. Однако они не тождественные уголовному наказанию, так как носят временный и обеспечительный характер» [11].

Проблема определения понятия и целей мер пресечения в уголовном процессе России требует комплексного решения. Отсутствие законодательного определения мер пресечения создает серьезные теоретические и практические проблемы, которые могут быть решены только путем научно обоснованного подхода к их пониманию. Анализ существующих в науке подходов показывает преимущества превентивного понимания мер пресечения как средств обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого в ходе производства по уголовному делу.

1.3 Основания применения мер пресечения

Уголовно-процессуальный кодекс в статье 97 закрепляет основания применения мер пресечения. Так, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В случаях, предусмотренных УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 УПК РФ, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пунктами 3 - 5 части шестой статьи 105.1 УПК РФ [23].

Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК РФ.

В случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут, за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы.

Анализ нормативных положений УПК РФ показывает, что законодатель использует формулировку «достаточные основания полагать», что создает определенную неопределенность в правоприменительной практике. Данная

формулировка предполагает наличие не абсолютной уверенности в том, что лицо совершит указанные в законе действия, а лишь вероятности такого поведения, основанной на конкретных обстоятельствах дела.

Однако основания применения мер пресечения «не могут рассматриваться изолированно от условий их применения. Несмотря на отсутствие в УПК РФ легального определения понятия «условия применения мер пресечения», анализ норм Кодекса, практики Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ свидетельствует о наличии определенных условий, соблюдение которых является обязательным для правомерного применения мер пресечения» [12].

В научной литературе вопрос о соотношении оснований и условий применения мер пресечения является предметом активной дискуссии. Существуют различные подходы к пониманию данной проблемы, каждый из которых имеет свои особенности и ограничения.

З.Ф. Коврига придерживается позиции, согласно которой условия и основания «применения мер пресечения являются самостоятельными категориями. По его мнению, условия представляют собой «сопутствующие» основаниям избрания мер пресечения обстоятельства. Автор утверждает, что меры процессуального принуждения применяются безусловно при наличии оснований, тогда как наличие условий лишь подчеркивает наиболее важные факты. Совокупность оснований и условий, где вторые носят вспомогательный характер, обеспечивает законность принятого решения» [9].

Позиция З.Ф. Ковриги заслуживает внимания с точки зрения попытки разграничить основания и условия как различные правовые категории. Однако данный подход представляется не вполне последовательным, поскольку автор не объясняет, каким образом условия могут иметь «вспомогательный характер» при том, что их несоблюдение делает применение меры пресечения незаконным.

Концепция А.Т. Гольцева представляется более логичной и практически применимой, поскольку позволяет рассматривать все требования,

предъявляемые к применению мер пресечения, в рамках единой системы условий. Данный подход соответствует структуре уголовно-процессуального регулирования, где различные требования к применению мер принуждения взаимосвязаны и дополняют друг друга. Однако автор не развивает свою концепцию достаточно подробно, что ограничивает возможности ее практического применения [4].

Анализ представленных в литературе позиций показывает, что более универсальной является точка зрения, включающая основания в систему условий применения мер пресечения. Данный подход находит подтверждение в анализе статьи 7 УПК РФ, которая закрепляет требования законности, обоснованности и мотивированности всех уголовно-процессуальных решений. Эти требования взаимосвязаны друг с другом и образуют единую систему гарантий правомерности процессуальных действий.

Законность принятия решений о применении мер пресечения предполагает соблюдение всех установленных законом условий, включая процедурные требования, субъектный состав, временные ограничения и иные формальные требования.

Следует отметить, что проблема соотношения оснований и условий применения мер пресечения имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Четкое понимание системы требований, предъявляемых к применению мер пресечения, способствует повышению качества правоприменительной деятельности и снижению количества судебных ошибок. В этом контексте представляется необходимым законодательное закрепление понятия условий применения мер пресечения и их исчерпывающего перечня.

Рассмотрим и проанализируем условия применения мер пресечения. Так, «первым условием применения мер пресечения является возможность их избрания только в отношении подозреваемого или обвиняемого. Данное условие прямо вытекает из содержания главы 13 УПК РФ и означает, что меры пресечения могут применяться только после возбуждения уголовного дела и

появления в процессе лица, обладающего соответствующим процессуальным статусом» [3].

Второе условие связано с необходимостью обоснованного подозрения «в причастности лица к совершенному преступлению. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 12 июля 2005 года № 330-О подчеркнул, что избрание меры пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Аналогичная позиция была выражена Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 года № 41», где отмечается необходимость установления обоснованности подозрения как обязательного условия применения мер пресечения [18].

Третьим условием является соблюдение принципа соразмерности и необходимости применения мер пресечения. Части первые статей 107 и 108 УПК РФ прямо указывают на то, что домашний арест и заключение под стражу могут применяться только в случаях, когда невозможно применение другой, более мягкой меры пресечения.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 41 также подчеркнул, что более строгая мера пресечения должна избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры [15]. Данное условие отражает принцип «экономии принуждения», который должен соблюдаться правоприменителями при выборе конкретной меры пресечения.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что основания и условия применения мер пресечения образуют единую систему требований, соблюдение которых необходимо для обеспечения «законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения. Основания применения мер пресечения следует рассматривать как специфический вид условий, характеризующих материально-правовые предпосылки для ограничения свободы личности. Условия же в широком смысле включают в себя как материальные, так и процессуальные требования, предъявляемые к применению мер пресечения» [28].

Таким образом, меры пресечения применяются только при наличии законных оснований, указанных в статье 97 УПК РФ. Их применение должно быть обоснованным, необходимым и соразмерным. Современное состояние правового регулирования и правоприменительной практики в сфере применения мер пресечения требует дальнейшего совершенствования.

Необходимо законодательное закрепление понятия условий применения мер пресечения, конкретизация критериев оценки достаточности оснований, развитие процедурных гарантий прав лиц, в отношении которых применяются меры принуждения.

Только комплексный подход к решению данных проблем позволит обеспечить эффективное функционирование института мер пресечения при соблюдении конституционных прав и свобод личности.

Считаем, что понятие мер пресечения должно в себе содержать основную цель их применения, интерпретируемую сквозь назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), что будет способствовать пониманию их правовой природы.

Глава 2 Процессуальные особенности избрания и реализации отдельных мер пресечения в уголовном процессе России

2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении. Личное поручительство.

В системе мер пресечения, используемых в уголовном судопроизводстве, подписка о невыезде занимает особое положение как наименее строгая форма ограничения конституционных прав личности. Несмотря на широкое применение в российской следственной и судебной практике, эффективность данного процессуального института продолжает вызывать дискуссии среди правоведов и практикующих юристов.

Так, соответствии со ст. 102 УПК РФ подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого:

- носят государственно-властный характер;
- применяются только уполномоченными субъектами;
- не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда;
- в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд;
- иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

Цель подписки о невыезде – обеспечить условия для объективного расследования преступления, установления виновного лица, законного разрешения уголовного дела и исполнения приговора.

Основная задача применения данной меры:

- полное и объективное расследование преступления и установления виновного;
- своевременное и справедливое разрешение уголовного дела;
- исполнение итогового судебного решения.

Эта мера, отличающаяся своей относительной мягкостью и широкой распространённостью, предполагает строго регулируемое пространство свободы: подозреваемому или обвиняемому разрешено передвигаться только в пределах заданного территориального района при условии соблюдения всех предписаний. К таким обязательствам относятся: непрерывное пребывание на территории определенного места жительства без самостоятельного выезда; соблюдение норм поведения, исключающих помехи расследованию и судебному процессу; постоянная готовность к явке в органы предварительного следствия или суд по первому требованию. Возможные зоны передвижения включают рабочие места, учебные заведения, медицинские учреждения и культурно-досуговые центры (кинотеатры), но с обязательным возвращением в установленное жильё.

Ученые, такие как М.А. Куликов определяют ее как меру, направленную на обеспечение явки лица и предотвращения следствию, но отмечают, что многие авторы просто воспроизводят формулировки закона без глубокого анализа, другие указывают, что подписка часто применяется без должного обоснования, а ее выбор мотивируется лишь отсутствием необходимости в более строгих мерах. Р.У. Кадырова подчеркивает, что нет эффективных механизмов контроля за соблюдением подписки (например, электронного мониторинга), что делает ее легко нарушаемой.

Отсутствие реального механизма контроля и отсутствие систематического мониторинга перемещений «(в отличии от домашнего ареста с электронным браслетом) способствуют нарушению данной меры пресечения. Так, контроль ограничивается эпизодическими проверками участковым или вызовами к следователю, фактически человек свободен в передвижении в пределах населенного пункта» [10].

Формальный характер обязательств выражен в том, что подписка: дается под честное слово без обеспечения; нет имущественных или финансовых гарантий (как при залоге); санкции за нарушение наступают только после факта нарушения.

Проблемы с оперативным выявлением нарушений:

- нет автоматизированных систем учета и оповещения о нарушениях;
- правоохранительные органы узнают о нарушении только при явной неявке или случайном обнаружении;
- розыск нарушителей не является приоритетом для правоохранительных органов.

Так, необходимо выделить проблемы при применении меры пресечения в виде подписки о невыезде связанные с несовершенством правового регулирования: не предусмотрены современные методы контроля (геолокация, электронные средства); нет четких критериев, что считать нарушением; не урегулирован порядок временных выездов по уважительным причинам.

Предлагаем создать и закрепить в законодательстве следующие механизмы фиксации нарушений:

- электронный мониторинг (геолокация через мобильное приложение, браслеты);
- регулярные проверки участковым (не реже двух раз в неделю с составлением акта);
- автоматические уведомления при пересечении установленных границ.

Такой подход минимизирует субъективизм и обеспечит единообразие правоприменения.

Статья 103 УПК РФ регламентирует личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 УПК РФ.

Избрание личного поручительства в качестве меры пресечения допускается по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей с согласия лица, в отношении которого дается поручительство.

Поручителю разъясняются существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства.

В случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 УПК РФ.

Таким образом, «личное поручительство – это мера пресечения, при которой доверенное лицо (поручитель) берет на себя письменное обязательство обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого к следователю и в суд, а также его надлежащее поведение» [10].

Заметим, что личное поручительство – это гуманная, но малоиспользуемая мера, ее применение требует тщательного отбора поручителей и усиления контроля.

Личное поручительство как мера пресечения имеет глубокие исторические корни и прошло значительную эволюцию в правовых системах разных стран. Так, в Русской Правде (11-13 век) и Судебниках (15-16 век) существовала круговая порука – коллективная ответственность общины за своих членов. В Соборном уложении поручительство применялось для обеспечения явки обвиняемого, но чаще заменялось залогом или тюрьмой. Устав уголовного судопроизводства 1864 года впервые детально регламентировал личное поручительство как меру пресечения: требовалось обязательство поручителя; поручителями могли быть «благонадежные лица» (дворяне, купцы, чиновники); нарушение влекло штраф или замену меру пресечения на арест. На практике применялось редко из-за недоверия судов к эффективности и сложности контроля.

В УПК РСФСР 1923 года личное поручительство сохранилось, но с идеологическим уклоном. Поручителями часто выступали представители трудовых коллективов или партийные деятели. Акцент делался на общественном воздействии, а не на юридических гарантиях. В 1960-е годы

мера применялась крайне редко, так как предпочтение отдавалось подписке о невыезде или заключению под стражу.

УПК РФ закрепил личное поручительство как альтернативу аресту, но с рядом проблем: отсутствие четких критериев для поручителей (что такое «лицо, заслуживающее доверия»?); минимальные санкции за нарушение.

В современном УПК РФ личным поручительством именуется способ меры пресечения, при котором поручители, удостоенные доверия, выступают с письменным обязательством гарантировать исполнение обвиняемым, подсудимым или подозреваемым всех предписаний, установленных законом. Несмотря на то что в законодательстве отсутствует чёткое определение поручителя, подразумевается, что это лицо должно обладать высоким уровнем надежности. Отличительная особенность поручительства заключается в том, что оно не влечёт за собой ограничение основных прав и свобод человека.

Так, в случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 УПК РФ. Оно представляет собой особый способ обеспечения участия подозреваемых и обвиняемых в следственных и судебных процедурах, при которых обязательства берут на себя не сами фигуранты дела, а доверенные лица – поручители. Основные характеристики такой меры можно выделить следующее. Процедура включает разъяснение поручителю сути обвинений или подозрений, предъявленных лицу, а также его обязанностей и возможной ответственности за нарушение поручительства.

Согласно части 4 статьи 103 УПК РФ, поручителю может быть предъявлено финансовое наказание при невыполнении возложенных обязанностей. Однако, исследуя практику применения законодательства, выявляется парадокс: поручители иногда уклоняются от ответственности за неподобающие действия подопечных. Это происходит из-за недостаточной строгости финансовой санкции для поручителей; в ряде случаев сумма штрафа не является достаточным стимулом к надлежащему исполнению обязательств,

особенно когда поручители заранее планируют уклонение от своих обязанностей. Законодательная инициатива по увеличению максимального размера денежного взыскания могла бы существенно повысить эффективность института личного поручительства и снизить риски злоупотреблений. Кроме того, для следователей сложно доказать недобросовестное поведение поручителя.

Законодательное требование к поручителю предъявляет строгие критерии: поручителем может быть полностью дееспособное физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста, которое безусловно вызывает доверие. Для повышения эффективности и надежности процедуры поручительства необходимо внести соответствующие изменения в статью 103 УПК РФ, что позволит усовершенствовать как норму закона, так и механизм личного поручительства как меры пресечения.

Действия по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого часто выходят за рамки процессуального законодательства и формально не регулируются законом. При этом согласие подозреваемого или обвиняемого на избрание меры пресечения в виде поручительства является обязательным условием, что ограничивает произвольное применение данной процедуры со стороны должностных лиц. Следователи должны лишь информировать о возможности поручительства и не могут самостоятельно принимать решение об его избрании на основе собственного доверия к лицам-поручителям без учета мнения обвиняемого или подозреваемого.

Ключевым моментом для формирования доверия у правоохранительных органов (следователей или дознавателей) является комплексный подход, включающий изучение социального статуса, профессиональной репутации, личных качеств и других аспектов жизни поручителя. Лица, имеющие в анамнезе судимость или ведущие аморальный образ жизни, не могут быть поручителями при применении данной меры пресечения из-за потенциального риска недобросовестности и ненадежности. Возникновение уверенности в поручителе должно базироваться не на общих представлениях, а на

конкретных фактах, подтвержденных надежными источниками. Доверие, в контексте поручительства, является следствием тщательного анализа и оценки компетентным специалистом.

Прежде всего, для оптимизации процесса применения личного поручительства как меры пресечения, необходимо внести корректировки в ч. 1 ст. 103 УПК РФ. В частности, следует явно указать, что поручитель должен быть не только надежным и заслуживающим доверия, но и удовлетворять обязательным требованиям: являться совершеннолетним (старше 18 лет) и полностью дееспособным. Кроме того, существующий срок рассмотрения и разрешения ходатайства о личном поручительстве (не позднее 3 суток, согласно ст. 121 УПК РФ) является недостаточным для полноценной подготовки. В условиях необходимости сбора подробного характеризующего материала о поручителе, этот период часто не позволяет собрать все необходимые данные, что является одной из причин низкой практики использования данной меры. Целесообразно увеличить срок рассмотрения ходатайства до 5-7 рабочих дней, чтобы обеспечить тщательное изучение информации о поручителе.

В связи с этим, предлагается изменить редакцию ч. 1 ст. 103 УПК РФ следующим образом: «Личное поручительство представляет собой письменное обязательство не менее двух совершеннолетних, полностью дееспособных лиц, заслуживающих доверия, о том, что они ручаются за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса. Установление поручительства осуществляется в течение 5-7 рабочих дней со дня подачи ходатайства» [10].

Введение минимального количества поручителей (два лица) и увеличение срока рассмотрения ходатайства позволят повысить эффективность и надежность данной меры пресечения, а также способствовать более широкому её применению в судебной практике.

Отмена поручительства происходит в случае нарушения условий меры пресечения со стороны следователя или дознавателя. В таком случае

рассматривается вопрос о замене поручителя или избрании другой меры пресечения. Личное поручительство выступает как альтернативный, более мягкий инструмент, позволяющий контролировать поведение подозреваемых и обвиняемых без их физического ограничения, опираясь на авторитет и влияние поручителей.

Таким образом, личное поручительство прошло путь от средневековой поруки до современной меры пресечения, но до сих пор остается малоэффективным из-за слабых механизмов контроля. Его дальнейшее применение требует серьезных законодательных изменений.

2.2 Наблюдение командования воинской части. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части имеет глубокие исторические корни, связанные с особым статусом военнослужащих и необходимостью обеспечения их явки в суд и следственные органы. Если рассматривать истоки военного надзора, то можно выделить дореволюционный период, советский и современный. Так, в «Уставе уголовного судопроизводства 1864 года не было прямого аналога современной меры, но существовали схожие механизмы контроля за военнослужащими через дисциплинарные уставы. Военные трибуналы и командование могли применять арест, ограничение передвижения и другие меры для обеспечения явки обвиняемых» [22].

В УПК РСФСР появились специальные меры для военнослужащих, включая передачу под надзор командования. Акцент делался на дисциплинарном воздействии и контроле со стороны командиров, что соответствовало принципам централизованного управления армией.

УПК РФ закрепил наблюдение командования как специальную меру пресечения для: военнослужащих, граждан на военных сборах, добровольцев в военизированных формированиях. Мера основывается на создании особых

условий прохождения службы, регламентированных Федеральными законами «О воинской обязанности и военной службе» (№ 53-ФЗ от 28.03.1998) и «О статусе военнослужащих» (№ 76-ФЗ от 27.05.1998), а также уставами Вооруженных Сил РФ.

Так, статья 104 УПК РФ регламентирует наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым, являющимися военнослужащими или гражданами, проходящими военные сборы, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, а за подозреваемым или обвиняемым, являющимися гражданами, пребывающими в добровольческом формировании, - в принятии мер, установленных Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требованиями, предъявляемыми к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, определяемыми Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации), в целях обеспечения выполнения этими подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 УПК РФ.

Избрание в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части допускается лишь с согласия подозреваемого, обвиняемого, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 104 УПК РФ. В период мобилизации, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий согласие подозреваемого, обвиняемого с избранием меры пресечения, предусмотренной частью первой статьи 104 УПК РФ, не требуется.

Постановление об избрании меры пресечения, предусмотренной частью первой статьи 104 УПК РФ, направляется командованию воинской части, которому разъясняются существо подозрения или обвинения и его обязанности по исполнению данной меры пресечения. В случае совершения подозреваемым, обвиняемым действий, для предупреждения которых была

избрана данная мера пресечения, командование воинской части немедленно сообщает об этом в орган, избравший данную меру пресечения.

Постановление о применении данной меры передается в соответствующую воинскую часть, где подробно разъясняются основания для наблюдения и обязанности командования по её исполнению. При нарушениях условий пресечения, которые могли бы привести к повторным правонарушениям или попыткам уклонения от следствия/судебного процесса, командование незамедлительно информирует назначивший орган. Военнослужащий либо гражданин на военных сборах сохраняет возможность отказаться от данной меры. В таком случае следователь (дознатель) принимает решение об отмене наблюдения и рассматривает необходимость введения альтернативных мер пресечения, соответствующих статусу подозреваемого или обвиняемого.

При выявлении вины командиров или начальников за отсутствие должного контроля над поведением подчинённых, включая неявку по звонкам, к ним могут применяться дисциплинарные наказания: от внушения до строгого взыскания и снижение должности/звания, вплоть до предупреждения о недостаточной служебной годности. Помимо этого, военнослужащие сталкиваются с конкретными ограничениями: запрет на управление транспортными средствами, использование оружия, выход за пределы части и тому подобное, что регламентируется нормативно-правовыми актами Вооруженных Сил РФ (Уставы внутренней службы ВС РФ; дисциплинарный устав ВС РФ; Устав гарнизонной и караульной службы, Строевой), где чётко определены меры воздействия на обвиняемых/подозреваемых.

Особую сложность представляет ситуация: военнослужащий обязан продолжать службу даже после её окончания до снятия или изменения вступившей в силу меры пресечения, что требует внесения уточнений в ст. 104 УПК РФ для ясности процедуры. Не решённым остаётся вопрос о временных рамках применения мер пресечения: необходимо законодательное установление сроков и условий их действия, особенно с учётом специфики

военных сборов, где ограничение (например, наблюдение) не может длиться дольше самих сборов. При окончании последних меры должны быть незамедлительно отменены или изменены, учитывая невозможность исключения военнослужащего из списков части в день завершения сбора при действии ограничений.

Исходя из анализа существующей правовой ситуации: необходимо внести в текст статьи 104 УПК РФ конкретные уточнения, касающиеся ответственных лиц за исполнение мер пресечения; ввести строгую регламентацию видов и условий наложения дисциплинарных ограничений (например, запреты на ношение вооружения или управление транспортом) для военнослужащих; определить чёткие критерии применения мер, включая наблюдение командованием части; установить ясные временные рамки действия таких ограничений (особенно в контексте военных сборов), исключающие возможность их продолжения после завершения сбора; конкретизация и систематизация мер пресечения повысит эффективность контроля за поведением подозреваемых/обвиняемых; установление чётких сроков действия ограничений обеспечит соблюдение прав военнослужащих, исключая неоправданное продление их службы после окончания основного периода.

Таким образом, исторически эта мера развивалась как инструмент военной дисциплины, но сегодня требует четкой регламентации для баланса между эффективностью и правами обвиняемых. Внедрение предложенных уточнений в статью 104 УПК РФ позволит оптимизировать применение мер пресечения, повысить дисциплинарную ответственность и обеспечить соблюдение правовых норм как для военнослужащих, так и для командования.

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым – как мера пресечения имеет глубокие исторические корни, связанные с особым отношением к несовершеннолетним в уголовном процессе. Так, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года не было отдельной нормы о присмотре, но существовала практика отдачи несовершеннолетних под надзор

родителей или опекунов в рамках общих мер пресечения. Основной акцент делался на семейный контроль, а в случае беспризорности – на помещение в воспитательные учреждения. УПК РСФСР впервые закрепил «отдачу под присмотр» как специальную меру пресечения для несовершеннолетних. В УПК РСФСР 1960 года норма сохранилась, но применялась редко из-за преобладания подписки о невыезде и заключения под стражу. УПК РФ 2001 года расширил круг лиц, которые могут быть поручителями.

Так, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 УПК РФ, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство. При избрании данной меры пресечения дознаватель, следователь или суд разъясняет лицам, указанным в части первой статьи 105 УПК РФ, существо подозрения или обвинения, а также их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру. К лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр, в случае невыполнения ими принятого обязательства могут быть применены меры взыскания, предусмотренные частью четвертой статьи 103 УПК РФ.

Заметим, что «данная мера применяется только к спец субъекту – несовершеннолетнему. Контроль над несовершеннолетними, находящимися в статусе подозреваемых или обвиняемых по уголовному законодательству (ст. 105 УПК РФ), представляет собой особый режим наблюдения, аналогичный тому, что применяется в военной службе, но адаптированный к возрастным особенностям лиц до 18 лет» [21].

Мониторинг за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми, устанавливаемый по ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса РФ и аналогичный системе контроля в армии, предполагает индивидуальный подход исключительно к лицам младше 18 лет. Цель данной меры – гарантировать надлежащее поведение несовершеннолетних:

своевременное посещение органов предварительного расследования и суда без нарушений процедур уголовного дела. При достижении подозреваемым 18-летнего возраста в ходе следствия данный контроль прекращается, что соответствует окончанию его несовершеннолетия по закону. Выбор лица для осуществления контроля за несовершеннолетним требует от следователя или дознавателя тщательной проверки.

В качестве доверенных лиц рассматриваются надежные граждане: родители, опекуны, попечители и специалисты детских учреждений; допускается участие других заслуживающих доверия людей без ограничений по законодательству. Согласно ч. 4 ст. 103 УПК РФ, неисполнение обязательств доверенными лицами влечёт денежное взыскание до 10 тысяч рублей. Присмотр за подростком устанавливается без необходимости согласия со стороны самого обвиняемого или контролирующего его лица. Однако, судебная практика подтверждает значимость их устного согласия для успешной реализации данной меры пресечения. Таким образом, присмотр за несовершеннолетним прошел путь от семейной поруки до формализованной меры пресечения, но требует модернизации для повышения эффективности и соответствия международным стандартам ювенальной юстиции.

2.3 Домашний арест как мера пресечения

В условиях современной уголовно-правовой политики Российской Федерации, направленной на гуманизация системы мер пресечения, особую актуальность приобретает исследование института домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу. Развитие данного института отвечает международным стандартам обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве и способствует реализации принципа соразмерности ограничения прав личности целям уголовного преследования.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, статистические данные свидетельствуют «о постоянном росте

применения домашнего ареста в качестве меры пресечения, что требует теоретического осмысления практики его реализации. Во-вторых, несмотря на детальную регламентацию порядка применения домашнего ареста в уголовно-процессуальном законодательстве, на практике возникают определенные сложности, связанные с установлением оснований его избрания и определением условий исполнения» [10].

В-третьих, развитие современных технических средств контроля создает новые возможности для повышения эффективности данной меры пресечения, что требует научного обоснования их применения.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

В соответствии со ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей.

В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей. Совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей независимо от того, в какой последовательности данные меры пресечения применялись, не

должен превышать предельный срок содержания под стражей, установленный статьей 109 УПК РФ.

Домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, определенных статьей 107 УПК РФ.

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит одно из следующих постановлений: об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста; об отказе в удовлетворении ходатайства.

При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога.

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому и подлежит немедленному исполнению.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты, предусмотренные пунктами 3-5 части шестой статьи 105.1 УПК РФ.

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, указанным в части седьмой настоящей статьи, либо некоторым из них. Запреты могут быть изменены судом по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, его защитника, законного представителя, а также следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное

дело. Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

В решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения, в том числе место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом [23].

Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных на него судом запретов осуществляется в порядке, установленном частью одиннадцатой статьи 105.1 УПК РФ.

Если по медицинским показаниям подозреваемый или обвиняемый был доставлен в учреждение здравоохранения и госпитализирован, то до разрешения судом вопроса об изменении либо отмене меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого продолжают действовать установленные судом запреты. Местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста считается территория соответствующего учреждения здравоохранения.

В орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд подозреваемый или обвиняемый доставляется транспортным средством контролирующего органа.

Встречи подозреваемого или обвиняемого, находящихся под домашним арестом, с защитником, законным представителем, а также с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов

подозреваемого или обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности проходят в месте исполнения этой меры пресечения.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест, условий исполнения этой меры пресечения, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую.

«Принципиальное значение имеет нормативное положение, закрепленное в части 1 статьи 107 УПК РФ, согласно которому домашний арест подлежит применению исключительно в случаях, когда использование более мягких мер пресечения представляется невозможным. Данное законодательное требование детерминировано необходимостью обеспечения надлежащего исполнения процессуальных обязанностей подозреваемым или обвиняемым. Научно-теоретический анализ института домашнего ареста позволяет констатировать, что данная мера пресечения не только существенно ограничивает свободу передвижения подозреваемого или обвиняемого, но и влечет комплекс иных правовых последствий, оказывающих значительное влияние на различные аспекты его жизнедеятельности. Применение данного вида принудительных мер осуществляется в строгом соответствии с законодательно установленными процедурами и с учетом индивидуальных обстоятельств конкретного уголовного дела» [1].

«Законодательное закрепление в части 2.1 статьи 107 УПК РФ положения о зачете срока домашнего ареста в срок содержания под стражей свидетельствует о высокой степени строгости данной меры пресечения и ее

существенном влиянии на процесс уголовного судопроизводства. Данная норма имеет важное практическое значение при определении общего срока ограничения свободы лица в рамках уголовного преследования. Процессуальный порядок реализации права на осуществление телефонных звонков для получения неотложной помощи предполагает обязательное уведомление контролирующего органа, что обеспечивает соблюдение установленного режима домашнего ареста» [7].

А.В. Орлов, исследуя правовую природу домашнего ареста, акцентирует внимание на том, что «сущность данной меры пресечения заключается в изоляции лица от общества на основании судебного решения с установлением определенных запретов, перечень которых регламентирован статьей 107 УПК РФ со ссылкой на пункты 3-5 статьи 105.1 УПК РФ. К таковым относятся запреты на использование средств связи и сети Интернет, общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправлений. При этом применение конкретных запретов и ограничений определяется судом индивидуально с учетом личности подозреваемого или обвиняемого, обстоятельств дела и иных релевантных сведений» [13].

Проблематика современного регулирования этапа реализации домашнего ареста многогранна и включает как правовые аспекты, так и технические сложности. Рассмотрим ключевые препятствия. Применение домашнего ареста затрагивает не только права подсудимого, но и лиц, проживающих с ним. Особенно актуально нарушение права на семейную тайну. Для устранения этой проблемы необходимо внести в законодательство норму о необходимости учета мнения всех членов семьи при принятии решения об изоляции. Полная изоляция подозреваемых/обвиняемых: запрет на выход для покупки товаров, продуктов питания и лекарств создает неоправданные трудности. Судебная практика свидетельствует о невозможном выполнении полной изоляции без нарушения базовых прав человека. Потеря возможности заработка: лишение работы приводит к финансовой зависимости, противоречащей принципам самостоятельного

обеспечения жизнедеятельности. Выделяемая государством еда и одежда не компенсирует потерю дохода, что усугубляет социальное положение обвиняемых.

Недостатки системы контроля и исполнения:

- частые сбои приводят к ложным сигналам тревоги для сотрудников ФСИН;
- низкое качество существующих устройств: 68% рабочих из 4579 браслетов поколения 2021-2010 гг. и только 27 % исправных среди 13,435 модифицированных браслетов 2020 года;
- современный домашний арест предполагает строгую изоляцию, что требует высокого уровня организации со стороны территориальных органов ФСИН;
- отсутствие адекватного технического оснащения для мониторинга соблюдения условий содержания подозреваемых/обвиняемых.

Для оптимизации системы домашнего ареста необходимо: внедрение механизма, позволяющего обвиняемым выходить за необходимые покупки с определенными условиями и контролем; учет социально-экономической ситуации при определении меры пресечения. Развитие технологий контроля: создание современных электронных браслетов, аналогичных по функциональности смарт-устройствам; применение инновационных решений: «умные» замки и системы дистанционного управления доступом через смартфоны.

«Законодатель предусматривает возможность применения домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого, имеющего жилище, в котором он проживает на законных основаниях, независимо от места расположения такого жилища. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации акцентирует внимание на необходимости учета территориального расположения жилого помещения при определении места исполнения домашнего ареста. Данное помещение должно находиться в пределах

муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование» [13].

Таким образом, институт домашнего ареста представляет собой сложную правовую конструкцию, эффективность применения которой определяется качеством нормативной регламентации и уровнем правоприменительной практики. Дальнейшее совершенствование данного института должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод личности.

«В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует детальная регламентация порядка избрания места нахождения подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом в арендуемом помещении. Пленум Верховного Суда Российской Федерации также не предоставляет разъяснений по данному вопросу, несмотря на то, что возможность нахождения лица в арендованном помещении презюмируется. При этом представляется необходимым информирование арендодателя как собственника помещения о правовых основаниях и целях его использования, а также получение его согласия на применение данного помещения в качестве места исполнения меры пресечения» [18].

Научный анализ института домашнего ареста выявляет ряд аспектов, не получивших детальной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

«Существенным пробелом действующего законодательства является отсутствие нормативного требования о получении согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым или обвиняемым, при избрании домашнего ареста по месту жительства. При этом Пленум Верховного Суда РФ указывает на возможность обжалования судебного решения лицами, проживающими в жилище с обвиняемым или подозреваемым, в случае нарушения их прав и законных интересов. Как справедливо отмечается в научной литературе,

превентивные меры представляются более эффективными, чем последующее обжалование принятого судебного решения» [13].

Научную значимость имеет позиция Э.Ф. Ковриги, «рассматривающего уголовно-правовые признаки при избрании меры пресечения в качестве условий, а не оснований Данная теоретическая конструкция, способствуя разграничению рассматриваемых категорий, одновременно создает определенную неопределенность в механизме их дифференциации и недостаточно учитывает значимость доказательственной базы» [9].

Бадмаева Т.Н., Церенкеев С.Б., Мещанов А.Ю., Менкеев Ю.Э предлагают «группировку мер пресечения и оснований их избрания в зависимости от целевой направленности принуждения. Данный подход имеет определенные преимущества, позволяя установить корреляцию между конкретными мерами пресечения и их целевым назначением, однако не раскрывает в полной мере механизм выбора конкретной меры пресечения с учетом специфики уголовного дела» [2].

«Существенной особенностью домашнего ареста является возможность его применения на любой стадии уголовного судопроизводства. При этом суду должен быть представлен исчерпывающий объем информации по уголовному делу, на основании которой по ходатайству стороны обвинения или по собственной инициативе суд правомочен вынести постановление об избрании данной меры пресечения. Значимым условием применения домашнего ареста является наличие фактической возможности обеспечения жизнедеятельности обвиняемого или подозреваемого в условиях изоляции. Данное условие предполагает оценку материально-бытовых, санитарных и иных условий содержания лица под домашним арестом» [13].

В соответствии с Федеральным законом № 383-ФЗ [26], процедура избрания домашнего ареста предполагает предоставление следователем или дознавателем в суд комплекса материалов, обосновывающих целесообразность применения данной меры пресечения.

Таким образом, процессуальный порядок применения домашнего ареста представляет собой сложную правовую конструкцию, эффективность реализации которой определяется качеством нормативной регламентации и уровнем правоприменительной практики. Дальнейшее совершенствование данного института должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод личности.

Нормативно-правовая регламентация сроков домашнего ареста предусматривает предельный период в два месяца с возможностью последующего продления или отмены данной меры пресечения. Прекращение применения домашнего ареста осуществляется при утрате необходимости в данной мере пресечения либо при ее замене на более строгую или более мягкую альтернативу. Процедура продления срока домашнего ареста требует повторного обращения в суд с соответствующим ходатайством. Пребывание лица под домашним арестом сопряжено с применением комплекса запретов и ограничений [20].

«В соответствии со статьей 107 УПК РФ, в срок домашнего ареста включается период содержания лица под стражей, при этом первоначальный срок не может превышать двух месяцев и исчисляется с момента вынесения судебного решения. Законодатель предоставляет суду право продления срока домашнего ареста при необходимости дополнительного времени для производства предварительного расследования. Принципиальное значение в контексте реализации домашнего ареста имеет проблема обеспечения жизненных потребностей обвиняемого. Показательным в данном отношении является дело Зворыкина В.Л., где судебным решением обвиняемому было предоставлено право покинуть место жительства на основании письменного разрешения следователя, что способствовало сохранению социальных связей и возможности самообеспечения. Данная правоприменительная практика коррелирует с европейским опытом, где поддержание трудовых и социальных

связей рассматривается как обязательное условие применения домашнего ареста» [13].

Так, 05.08.2021 Никулинским районным судом г. Москвы в отношении Зворыкина В.Л., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б» части 2 статьи 172, части 2 статьи 187 УК РФ, был избран домашний арест с разрешением покидать жилище при наличии письменного разрешения следователя.

«В качестве негативного примера правоприменительной практики следует привести дело Посоховой А.А., где недостаточное исследование материального положения обвиняемой привело к нарушению условий домашнего ареста и последующему объявлению ее в розыск. В постановлении следователя от 25.12.2020 об избрании меры пресечения отсутствовали сведения об отсутствии у обвиняемой постоянного источника дохода, что впоследствии привело к нарушению режима домашнего ареста и изменению меры пресечения на заключение под стражу» [15]. Данный случай актуализирует необходимость законодательного закрепления требований к содержанию постановления о применении домашнего ареста.

Подробно рассмотрим существующие недостатки и предложения по их устранению:

Конституционные права и ограничения, установленные законодательством, так 5 пункт 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, как и статья 105 УПК РФ, предусматривает возможность ограничения использования средств связи и интернета, но не всегда учитывает баланс между мерами пресечения и соблюдением конституционных прав.

Проблемы в практике применения запрета: отсутствие учета интересов членов семьи, проживающих вместе с обвиняемым/подозреваемым, особенно в контексте дистанционного образования и недостаток полномочий у сотрудников УИИ для контроля и регулирования доступа к интернету в местах домашнего ареста. Неэффективность контроля выражается в формальном

характере контроля за соблюдением запрета, что снижает его практическую значимость.

Предложения по улучшению ситуации, предлагаем дополнить пункт 5 части 6 статьи 105 УПК РФ, чтобы учитывать интересы членов семьи, проживающих с обвиняемым/подозреваемым, а также определить механизмы и полномочия УИИ по регулированию доступа к интернету и средствам связи.

Необходимо, по нашему мнению, предоставить УИИ право требовать от членов семьи отключения интернета в местах домашнего ареста при наличии соответствующих оснований, а также разработать стандарты и процедуры для контроля и ограничения доступа к интернету и средствам связи.

Относительно использования технических средств важно отметить, что необходимо применение специализированного программного обеспечения для мониторинга и ограничения доступа к интернету и определенным сайтам, а также использование «умных» устройств для контроля за доступом в помещениях. Эти меры позволят более эффективно балансировать между необходимостью обеспечения меры пресечения и соблюдением конституционных прав всех участников процесса.

Таким образом, для решения ряда проблем, связанных с применением меры пресечения в виде домашнего ареста, необходимо дополнить закон требованием выяснения мнения и согласия самого подозреваемого/обвиняемого и проживающих с ним лиц, то есть их согласия или несогласия с данным судебным решением. Также необходимо усовершенствовать технические средства слежения за подозреваемым/обвиняемым для более эффективного управления реализацией данной меры, например, путем разработки специальных смарт-часов, установки умных замков на дома и смартфоны.

Практика применения домашнего ареста в российской правовой системе демонстрирует его эффективность как меры пресечения, однако потенциал данного института реализуется не в полной мере. Изначальная концепция домашнего ареста предполагала его функционирование в качестве

полноценной альтернативы заключению под стражу. Преимущества данной меры пресечения заключаются в существенно меньшей ресурсоемкости с точки зрения материальных затрат и кадрового обеспечения, а также в минимизации негативного воздействия пенитенциарной среды на личность подозреваемого или обвиняемого [6].

Системный анализ положений статей 98 и 107 УПК РФ позволяет констатировать, что домашний арест сохраняет статус одной из наиболее строгих форм государственного принуждения.

В целях смягчения проблемы нарушения конституционных прав и свобод, задержанных подозреваемых (обвиняемых) представляется необходимым уточнить текст части 1 статьи 108 УПК РФ содержанием положения о том, что «в отношении подозреваемого (обвиняемого), совершившего умышленное преступление, за которое Уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, при невозможности применения иных, более мягких мер пресечения он подлежит заключению под стражу» [24].

Кроме того, можно было бы внести изменения в статью 97 УПК, обязав следователя или дознавателя четко изложить и полностью обосновать необходимость заключения под стражу. Также целесообразно дополнить пункт 6.1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим образом: «При рассмотрении ходатайства судья обязан установить законность и обоснованность решения компетентных органов и государственных органов о возбуждении уголовного дела по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, наличие обоснованного обвинения (подозрения) в совершении преступления в отношении конкретного лица». Если постановление о возбуждении уголовного дела признано незаконным или необоснованным либо обвинение (подозрение) в отношении лица, совершившего преступление, признано необоснованным, судья обязан удовлетворить ходатайство о заключении под стражу в качестве меры пресечения» [2].

2.4 Заключение под стражу как мера пресечения

Заключение под стражу как мера пресечения имеет долгую и сложную историю в России, отражающую эволюцию правовой системы и отношение государства к личной свободе граждан. Рассмотрим ключевые этапы этого института.

Первые прообразы мер пресечения в России появились в 8-9 веках, когда родовая община отвечала за своего члена, а в качестве меры пресечения использовалось поручительство сначала общины, а потом влиятельных людей. Соборное уложение 1649 года уже трактовало преступление как общественное зло, а наказание как кару. В этот период меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, уступили место тюремному заключению. Значительный вклад в развитие института заключения под стражу внесла Екатерина II. В 1767 году был издан Указ Уложенной комиссии, в котором впервые прозвучали идеи гуманистических целей наказания. А в 1832 году при Николае I было принято первое издание Свода Законов Российской Империи.

Свод законов уголовных (том 15) содержал правовые нормы о заключении под стражу, которые применялись к лицам, обвиняемым в тяжких преступлениях. Особое значение имели реформы Александра II, в частности принятие Устава уголовного судопроизводства в 1864 году. После Октябрьской революции 1917 года произошли значительные изменения в правовой системе. В 1918 году была введена Инструкция «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», которая предусматривала привлечение к труду подсудимых наравне с подсудимыми.

УПК РСФСР 1960 года установил, что мера пресечения в виде заключения под стражу могла быть избрана только с санкции прокурора. Этот порядок сохранился до 2002 года.

С принятием Конституции РФ 1993 года и введением в действие 1 июля 2002 года УПК РФ произошли кардинальные изменения:

- «заключение под стражу стало применяться только по судебному решению;
- до 2007 года ходатайство перед судом возбуждал прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора;
- после 2007 года прокурор утратил право возбуждать ходатайство, согласовывая теперь только постановления дознавателя, а следователь согласовывает ходатайство с руководителем следственного органа» [2].

Итак, в соответствии со ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, если иное не предусмотрено частями первой.1, первой 2 и второй настоящей статьи, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 настоящего Кодекса. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения при наличии одного из следующих обстоятельств:

- подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;
- его личность не установлена;
- им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- он скрылся от органов предварительного расследования или от суда;

«К несовершеннолетнему, беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» [2].

В исключительных случаях при наличии одного из обстоятельств, указанных в подпунктах "а" - "г" пункта 1 части первой настоящей статьи, эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения.

Мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, если он страдает тяжелым заболеванием, которое включено в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный Правительством Российской Федерации, и наличие которого подтверждено медицинскими документами [14].

При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном статьями 91 и 92 УПК РФ, то постановление и указанные

материалы должны быть представлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания.

Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьями 91 и 92 УПК РФ, доставляется в судебное заседание, кроме случая, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно, и судом принято решение об участии подозреваемого в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого.

Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск.

В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбуждившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

Рассмотрев ходатайство, судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу;
- об отказе в удовлетворении ходатайства;
- о продлении срока задержания. Продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания.

При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и подлежит немедленному исполнению. Повторное обращение в суд с ходатайством о заключении под стражу одного и того же лица по тому же уголовному делу после вынесения судьей постановления об отказе в избрании этой меры пресечения возможно лишь при возникновении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу.

Если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в суде, то решение об этом

принимает суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе, о чем выносится определение или постановление. Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке с учетом особенностей, предусмотренных статьей 389.3 УПК РФ, в течение 3 суток со дня его вынесения.

Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке.

В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, указанных в части первой статьи 108 УПК РФ, этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа, до 6 месяцев.

Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в части третьей статьи 31 УПК РФ, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственность Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев. Дальнейшее продление срока не допускается.

Материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению. При этом за обвиняемым и его защитником сохраняется право на ознакомление с материалами уголовного дела.

В случае, если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, следователь с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед судом, указанным в части третьей статьи 31 УПК РФ, или военным судом соответствующего уровня. Если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь вправе возбудить указанное ходатайство в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения.

Ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо месту содержания, обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток

до его истечения. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются сведения о следственных и иных процессуальных действиях, произведенных в период после избрания меры пресечения или последнего продления срока содержания, обвиняемого под стражей, а также основания и мотивы дальнейшего продления срока содержания обвиняемого под стражей. Указанный в постановлении о возбуждении ходатайства срок, на который продлевается содержание обвиняемого под стражей, должен определяться исходя из объема следственных и иных процессуальных действий, приведенных в этом постановлении.

Мера пресечения в виде заключения под стражу также изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядок их медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством Российской Федерации.

Отмена или изменение меры пресечения производится по постановлению дознавателя, следователя или судьи либо по определению суда. В случае отмены меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемый или обвиняемый подлежит немедленному освобождению из-под стражи.

Таким образом, с 11 марта 2025 года в России ступили в силу поправки в Федеральный закон, ужесточающие нормы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Теперь при решении вопроса о содержании под стражей учитывается применение насилия или угроза применения при совершении преступления средней тяжести, а также исключительные случаи, когда под стражу могут быть взяты женщины, единственные родители малолетних детей и опекуны детей-инвалидов.

Выводы по второй главе.

«Институт мер процессуального принуждения представляет собой сложную правовую конструкцию, эффективность функционирования которой определяется качеством нормативной регламентации и уровнем правоприменительной практики. Дальнейшее развитие данного института должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод личности. Как отмечают исследователи, несмотря на длительную историю развития, институт заключения под стражу продолжает совершенствоваться, балансируя между необходимостью обеспечения правосудия и защитой прав личности» [1].

Внедрение Федеральным законом № 72-ФЗ от 18 апреля 2018 года новой статьи (ст. 105.1 УПК) расширило систему мер пресечения в России - к ним добавился запрет определённых действий, что стало дополнительной гарантией соблюдения законности и порядка на этапе уголовного процесса. В итоговом постановлении суда по избранию данной меры пресечения подробно прописываются конкретные условия: указание адреса, временных рамок для обязательного нахождения в нем; географические ограничения – запрещенный район или населенный пункт; запретное посещение определенных мест или объектов; установленная дистанция от конкретных точек (например, зданий суда); список лиц для исключенного контактирования; период и временные интервалы действия запрета на пребывание вне дома; процедуры взаимодействия со следственными органами: способы связи с дознавателями, следователями и контролирующими инстанциями; ограничения по почтовым отправлениям (отправка/получение); использование средств коммуникации и Интернет-ресурсов; запреты на управление транспортными средствами.

Глава 3 Проблемы применения отдельных мер пресечения в российском уголовном процессе и пути их решения

3.1 Проблемы применения запрета определенных действий

В 2018 году посредством принятия соответствующего федерального закона был внесен ряд поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Главной новеллой явилось дополнение главы 13 УПК РФ: актуализация ст. 98 и введение новой меры пресечения, предусмотренной ст. 105.1 «Запрет определенных действий».

Авторы данного законопроекта предполагали, что новая мера пресечения станет альтернативой заключению под стражу и «частью общего тренда на гуманизацию уголовного правосудия». Так, в рамках Федерального закона № 72-ФЗ, принятого 18 апреля 2018 года, в УПК РФ были внесены поправки, касающиеся введения новых мер пресечения в виде ограничений на определенные действия. Этот закон существенно изменил систему мер пресечения:

- разделил домашний арест и запрет определенных действий;
- исключил из домашнего ареста частичную изоляцию;
- перенёс элементы частичной изоляции в запрет определенных действий.

Основные цели новой меры пресечения, следующие:

- создать альтернативу заключению под стражу;
- обеспечить дифференцированный подход к ограничению прав;
- уменьшить нагрузку на следственные изоляторы;
- снизить затраты государств на содержание под стражей.

Так, эти меры отличаются от домашнего ареста тем, что не предполагают полной изоляции подозреваемых или обвиняемых, позволяя контролировать их через установление круга общения, ограничение выезда и определение мест для свиданий.

В соответствии со ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения применяется в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ (за исключением требований, связанных с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом подозреваемого или обвиняемого), и с учетом особенностей, определенных статьей 105.1 УПК РФ [23].

При необходимости избрания в качестве меры пресечения запрета определенных действий, а равно при необходимости возложения дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении перед судом данного ходатайства указываются один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, мотивы и основания их установления в отношении подозреваемого или обвиняемого и невозможности избрания иной меры пресечения.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В постановлении суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов (адрес жилого помещения и периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение, район, населенный пункт, с которыми связаны запреты, места, запрещенные для посещения, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицам, с которыми запрещено общаться, срок применения запрета, предусмотренного пунктом 1 части шестой настоящей статьи, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда. Подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, предусмотренным частью шестой настоящей статьи, либо отдельным из них.

Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в

случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую.

Заметим, что основное упущение в законодательстве заключается в недостаточной проработке механизма реализации этих мер, что может привести к правовым коллизиям. Для избежания дублирования норм и обеспечения их согласованности необходимо разработать четкую нормативно-правовую базу, регулиующую применение таких мер пресечения [16].

В соответствии со статьей 101 УПК РФ, «допускается использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, что регламентируется постановлением Правительства РФ № 134 от 18 февраля 2013 года. Это постановление определяет, какие именно средства контроля могут применяться и как они должны использоваться, а также контролирует соблюдение установленных судом ограничений. Современная система электронного мониторинга лиц, находящихся под стражей (СЭМПЛ), хоть и предназначена для отслеживания местонахождения подозреваемых и обвиняемых, страдает от ряда недостатков, что снижает её эффективность в обеспечении мер пресечения» [10].

Так, наиболее обсуждаемым вопросом, связанным с практическими недостатками применения части 1 статьи 105 УПК РФ, является вопрос о зачете периода, в течение которого установлен запрет на совершение определенных действий, в срок лишения свободы. Это актуально, когда одним из запретов является запрет покидать жилое помещение.

Сложность в процедуре учета зачетного времени возникает из-за того, что с 1996 года (13 июня, Федеральный закон № 63-ФЗ) в Уголовный кодекс Российской Федерации [24] не были внесены никакие правки, касающиеся статьи 72, регламентирующей зачет времени содержания под стражей при различных видах наказания (от домашнего ареста до колоний различных режимов). Верховный Суд РФ также не предоставил разъяснений по применению этой нормы. Статья 72 УК РФ дифференцирует зачет времени нахождения в местах лишения свободы в зависимости от режима (от строгого до колоний-поселений) и домашнего ареста, но не устанавливает четких правил для учета времени ограничения свободы передвижения. Это привело к разнообразию подходов в судебной практике, где, как следует из анализа, время, проведенное под ограничениями, обычно не засчитывается в срок лишения свободы.

«Для устранения этой неопределенности и унификации подходов к исчислению сроков необходимо внести ясность в законодательство, согласовав нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ с Уголовным кодексом. Предлагается засчитывать время ограничения в срок лишения свободы из расчета два дня за один день задержания или лишения свободы. До 2018 года в российском уголовном процессе мера пресечения в виде домашнего ареста, которая могла включать как полную, так и частичную изоляцию от общества» [13].

Однако практика показала, что эта мера не всегда соответствовала принципу соразмерности ограничений.

Как отмечают исследователи, введение запрета определенных действий было обусловлено необходимостью:

- снизить количество случаев применения заключения под стражу;
- предоставить судам более гибкий инструмент воздействия;
- учесть европейские стандарты в области прав человека.

Таким образом, запрет определённых действий отражает поиск баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности в российском уголовном процессе.

3.2 Проблемы применение залога в уголовном процессе

Залог как правовой институт имеет многовековую историю, пройдя сложный путь развития от примитивных форм обеспечения обязательств до сложных правовых конструкций современного гражданского и уголовного права. В России залоговые отношения развивались под влиянием римского права, но с существенными особенностями.

В XII-XIV веках с возникновением частной собственности на землю появился «заклад» - специфическая форма залога.

Псковская ссудная грамота (1467 г.) содержала отдельные нормы о залоге. Соборное уложение 1649 года детально регламентировало залоговые отношения, хотя зачастую залог сливался с основным договором. Указ от 1 августа 1737 года ввел обязательную продажу имущества, но был отменен через 7 лет под давлением кредиторов. Свод законов Российской империи (1835г.) содержал две главы о залоге, хотя само определение залога отсутствовало.

В современном российском праве залог регламентирован статьей 106 УПК РФ и может применяться на любой стадии уголовного процесса. Предметом залога могут быть деньги, ценные бумаги, недвижимое и движимое имущество. Залог, являясь экономическим стимулом для обеспечения явки обвиняемого и предотвращения уклонения от следствия и суда, выступает важнейшим механизмом соблюдения баланса между

интересами правосудия и защитой конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность.

В соответствии со ст. 106 УПК РФ залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Залог в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого либо обвиняемого по решению суда на срок до двух месяцев в порядке, установленном статьей 108 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей. Срок применения данной меры пресечения исчисляется с момента внесения залога. Ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Ходатайство о применении залога подается в суд по месту производства предварительного расследования и обязательно для рассмотрения судом наряду с ходатайством следователя, дознавателя об избрании в отношении того же подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения, если последнее поступит.

Вид и размер залога определяются судом с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя. При этом по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях - менее пятисот тысяч рублей. Не

может приниматься в качестве залога имущество, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации не может быть обращено взыскание. Порядок оценки, содержания указанного в части первой настоящей статьи предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности определяется Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Особенностью залога является возможность его внесения не только самим подозреваемым или обвиняемым, но и иными физическими или юридическими лицами. Данное положение расширяет круг потенциальных участников процедуры избрания меры пресечения и создает дополнительные гарантии для лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование. Однако эта особенность одновременно порождает вопросы о необходимости установления четких критериев отбора таких лиц и определения их взаимоотношений с подозреваемым или обвиняемым.

Судебная практика демонстрирует различные подходы к применению залога.

«Анализ апелляционного постановления Московского городского суда от 16 февраля 2016 года № 10-2227-16 показывает типичную ситуацию, при которой суд отдает предпочтение заключению под стражу, не рассматривая в полной мере возможности применения альтернативных мер пресечения. В данном случае обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного пунктом "а" части 2 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, ходатайствовал об изменении меры пресечения с заключения под стражу на залог, однако суд признал обоснованным ходатайство следователя о применении заключения под стражу» [17].

При этом в апелляционной жалобе указывались существенные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого: семейные обстоятельства, беременность супруги, отсутствие судимости, наличие места постоянного жительства, намерение возместить ущерб и наличие родителей-пенсионеров.

Более позитивный пример демонстрирует апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 21 августа 2020 года № 22К-1433/2020 по делу № 3/2-302/2020. В данном случае суд установил, что органы следствия при продлении срока содержания под стражей ссылались на формальные и предположительные доводы, которые не подтверждались фактическими обстоятельствами. Верховный Суд Республики Дагестан отменил решение суда первой инстанции и применил в отношении одного из обвиняемых меру пресечения в виде залога с участием сестры в качестве фактического залогодателя. Данный пример показывает возможность эффективного применения залога при надлежащем анализе обстоятельств дела и отказе от шаблонных подходов.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 [18] раскрывает практические аспекты применения залога, включая особенности обращения с имуществом, порядок и сроки передачи залога, наложение запретов на подозреваемого или обвиняемого. Однако данный нормативный акт не устанавливает четких критериев определения круга лиц, которые могут выступать в качестве залогодателей, что создает правовую неопределенность и может способствовать злоупотреблениям.

Так, современная судебная практика свидетельствует о неоднозначности подходов к применению залога, что обусловлено как недостаточной разработанностью теоретических основ данного института, так и пробелами в правовом регулировании. Отсутствие единообразного понимания критериев определения размера залога, проблемы его применения в отношении лиц, обладающих служебным иммунитетом, а также вопросы соотношения залога с иными мерами пресечения требуют комплексного научного анализа и выработки практических рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Положительные аспекты применения залога включают сохранение социальных связей лица, в отношении которого ведется производство по

уголовному делу, возможность продолжения трудовой деятельности, получения медицинской помощи и поддержания привычного образа жизни. Эмоциональный фактор играет важную роль в психологическом состоянии подозреваемого или обвиняемого, что может положительно влиять на ход расследования и его готовность к сотрудничеству с органами следствия. Экономические преимущества залога выражаются в отсутствии необходимости затрат бюджетных средств на содержание лица в следственном изоляторе, что особенно актуально в условиях ограниченности государственных ресурсов.

Вместе с тем существуют и негативные факторы, связанные с применением залога. Отсутствие гарантированного соблюдения условий избранной меры пресечения создает риски для эффективности уголовного преследования. Возможность преследования личных целей третьими лицами, выступающими в качестве залогодателей, включая содействие в продолжении преступной деятельности или препятствовании расследованию, требует особого внимания при рассмотрении ходатайств о применении залога. Процедурные аспекты применения залога требуют упрощения и стандартизации для повышения его доступности и эффективности. Сложность оформления залогового обеспечения, особенно при использовании недвижимого имущества или ценных бумаг, создает дополнительные барьеры для его применения и способствует предпочтению более простых в процедурном отношении мер пресечения.

Анализ части 6 статьи 105.1 УПК РФ показывает возможность дополнительного возложения на подозреваемого или обвиняемого при применении залога запретов, предусмотренных для меры пресечения в виде запрета определенных действий. Эти запреты включают ограничения на выход за пределы жилого помещения в определенные периоды времени, нахождение в определенных местах, общение с определенными лицами, использование средств связи и управление транспортными средствами при соответствующих преступлениях [19]. Такое сочетание мер пресечения позволяет усилить

воздействие на подозреваемого или обвиняемого и повысить эффективность залога как инструмента процессуального принуждения.

Проблема определения круга лиц, допускаемых к процедуре избрания залога в качестве залогодателей, требует законодательного решения. Отсутствие четких критериев отбора таких лиц создает риски злоупотреблений и может препятствовать достижению целей применения меры пресечения. Необходимо установление требований к характеру взаимоотношений между подозреваемым или обвиняемым и потенциальным залогодателем, что позволит обеспечить обоснованность и эффективность применения залога. Минимальные размеры залога, установленные законодательством в зависимости от категории преступления, призваны обеспечить доступность данной меры пресечения для различных категорий лиц. Однако практическая реализация этого принципа сталкивается с трудностями, связанными с оценкой имущественного положения подозреваемого или обвиняемого и возможностями привлечения третьих лиц в качестве залогодателей.

Сравнительный анализ различных мер пресечения показывает, что залог обладает рядом преимуществ перед заключением под стражу, включая экономическую эффективность, сохранение социальных связей и возможность продолжения трудовой деятельности. Однако эти преимущества не находят должного отражения в правоприменительной практике, что свидетельствует о необходимости изменения подходов к оценке целесообразности применения различных мер пресечения.

Роль защитника в процедуре ходатайства о применении залога имеет особое значение, поскольку требует не только правовых знаний, но и умения представить суду убедительные доводы о целесообразности и эффективности данной меры пресечения. Недостаточная подготовка защитников к работе с институтом залога может негативно влиять на практику его применения.

Обобщающий вывод по результатам проведенного исследования свидетельствует о том, что институт залога как меры пресечения в российском

уголовном процессе обладает значительным потенциалом, который в настоящее время реализуется крайне неэффективно. Статистические данные о применении залога демонстрируют его критически низкую востребованность, что обусловлено комплексом факторов, включающих консервативность правоприменительной практики, формальный подход к оценке оснований избрания мер пресечения, недостаточную проработанность процедурных аспектов и отсутствие четких критериев определения круга потенциальных залогодателей.

Положительные аспекты применения залога, включая экономическую эффективность, сохранение социальных связей подозреваемого или обвиняемого и возможность продолжения трудовой деятельности, не находят должного отражения в судебной практике. Для повышения эффективности института залога необходимо совершенствование нормативного регулирования, прежде всего в части определения требований к залогодателям, упрощение процедурных аспектов его применения и изменение подходов в правоприменительной практике с акцентом на индивидуальную оценку обстоятельств каждого дела.

Предложение о внесении изменений в часть 2 статьи 106 УПК РФ с требованием наличия регулируемых законодательством отношений между подозреваемым или обвиняемым и залогодателем представляется обоснованным и направленным на предотвращение злоупотреблений при одновременном сохранении доступности данной меры пресечения для широкого круга лиц.

Анализ особенностей процедурных аспектов применения мер пресечения к лицам, обладающим служебным иммунитетом, требует обращения к исследованиям Т.В. Пахоменко, которая подчеркивает необходимость соблюдения специальных правил при проведении следственных действий [17]. Исследователь справедливо указывает на взаимосвязь между порядком возбуждения уголовного дела и последующими процессуальными решениями, включая выбор мер пресечения. Вместе с тем,

позиция Т.В. Пахоменко не содержит детального анализа специфики залога как меры пресечения в контексте служебного иммунитета, ограничиваясь общими положениями о следственных действиях.

Конституционные основы процессуальной неприкосновенности охватывают ограниченный круг высших должностных лиц государства, включая Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и судей. Однако статья 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации существенно расширяет перечень лиц, в отношении которых действует особый порядок уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство создает определенную коллизию между конституционными нормами и процессуальным законодательством, поскольку не все лица, указанные в статье 447 УПК РФ, обладают конституционно закрепленной неприкосновенностью.

А.П. Рыжаков справедливо обращает внимание на абсолютный характер неприкосновенности главы государства, который может быть ограничен исключительно в рамках процедуры отрешения от должности [20]. Позиция данного исследователя представляется обоснованной, поскольку подчеркивает особый статус Президента Российской Федерации в системе государственной власти. Однако следует отметить, что автор не раскрывает механизмы практической реализации данного принципа в контексте применения мер пресечения, что оставляет открытым вопрос о возможности избрания залога в отношении главы государства в гипотетических ситуациях.

Согласно части 2 статьи 29 УПК РФ, решения о применении мер пресечения в отношении лиц, обладающих особым статусом, должны приниматься теми же органами, которые возбудили уголовное дело. Данная норма создает определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку компетенция по избранию конкретных мер пресечения может не совпадать с полномочиями по возбуждению уголовного преследования. Особенно это касается залога, который в силу своей имущественной природы

требует тщательной оценки финансового положения как обвиняемого, так и потенциального залогодателя.

Федеральный закон от 8 мая 1994 года «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» устанавливает специальные гарантии неприкосновенности парламентариев, распространяющиеся не только на их личность, но и на жилые и служебные помещения, документы, средства связи и транспорт. Данные положения создают дополнительные процедурные барьеры при применении мер пресечения, поскольку залог может потребовать оценки имущества, находящегося под защитой парламентского иммунитета.

Т.В. Пахоменко обращает внимание на право депутатов и членов Совета Федерации отказаться от дачи свидетельских показаний по обстоятельствам, связанным с исполнением их должностных полномочий [17]. Данная позиция представляется важной для понимания специфики доказательственной базы по уголовным делам в отношении указанных лиц. Однако автор не рассматривает влияние данного обстоятельства на оценку рисков при избрании залога, хотя ограниченность доказательственной базы может существенно повлиять на прогнозирование поведения обвиняемого.

Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» предусматривает особый порядок задержания данного должностного лица, требующий незамедлительного уведомления Государственной Думы и получения согласия на дальнейшее применение мер пресечения в течение суток. Данная норма создает временные ограничения, которые могут повлиять на возможность избрания залога, поскольку оценка имущественного положения залогодателя и определение размера залога требуют значительного времени.

Статья 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает запрет на задержание, личный досмотр и другие следственные действия в отношении прокуроров и следователей, за исключением случаев задержания с поличным или возникновения угрозы безопасности других лиц.

Данная норма фактически исключает возможность применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в обычном порядке, что может повысить значимость залога как альтернативной меры пресечения для указанных категорий лиц.

Статья 450 УПК РФ устанавливает обязанность Генерального прокурора Российской Федерации или прокурора субъекта Российской Федерации направлять судебные постановления о применении мер пресечения в соответствующие органы для согласования. Пятидневный срок рассмотрения таких представлений, установленный частью 4 данной статьи, создает дополнительные временные рамки, которые необходимо учитывать при избрании залога. За это время обвиняемый может принять меры по сокрытию имущества или изменению своего финансового положения.

Согласно статье 451 УПК РФ, уголовные дела в отношении лиц, обладающих особым статусом, направляются в суд в соответствии с правилами подсудности. Статья 452 УПК РФ предусматривает рассмотрение таких дел Верховным Судом Российской Федерации при наличии соответствующего ходатайства обвиняемого. Данное обстоятельство может повлиять на оценку рисков неявки обвиняемого в суд, поскольку рассмотрение дела в высшей судебной инстанции может восприниматься как дополнительная гарантия справедливого разбирательства.

Часть 1 статьи 106 УПК РФ допускает выступление в качестве залогодателя не только самого обвиняемого, но и других физических или юридических лиц. Данная норма приобретает особое значение в контексте служебного иммунитета, поскольку высокопоставленные должностные лица часто обладают развитыми социальными связями и могут привлечь в качестве залогодателей влиятельных лиц или организации. Это создает риск формального соблюдения требований закона при фактическом отсутствии реального обеспечения надлежащего поведения обвиняемого.

Критический анализ эффективности залога как меры пресечения в отношении лиц, обладающих служебным иммунитетом, выявляет несколько

принципиальных проблем. Во-первых, имущественное воздействие может оказаться недостаточным для лиц, обладающих значительными финансовыми ресурсами или способных привлечь внешних залогодателей. Во-вторых, специальные процедуры согласования могут существенно затянуть процесс избрания меры пресечения, что снижает ее превентивную функцию.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении залога и личного поручительства в контексте служебного иммунитета. Если механизм воздействия залога основан на имущественном риске, то привлечение третьих лиц в качестве залогодателей фактически трансформирует его в аналог личного поручительства с более серьезными финансовыми последствиями. При этом часть 4 статьи 103 УПК РФ ограничивает размер денежного взыскания с поручителя суммой в десять тысяч рублей, что создает диспропорцию в правовом регулировании.

Практическое применение залога в отношении лиц, обладающих служебным иммунитетом, осложняется необходимостью учета множества факторов: характера совершенного преступления, личности обвиняемого, его имущественного положения, наличия согласия соответствующих органов власти, а также специфики процедурных требований. Суд должен оценить не только традиционные критерии избрания меры пресечения, но и дополнительные обстоятельства, связанные с особым статусом лица.

Анализ нормативного регулирования выявляет отсутствие специальных правил определения размера залога для лиц, обладающих служебным иммунитетом. Статья 106 УПК РФ устанавливает лишь общие принципы, не учитывающие специфику правового положения высокопоставленных должностных лиц. Это создает проблему обеспечения соразмерности меры пресечения и может привести к формальному подходу к ее избранию.

Следует отметить, что институт служебного иммунитета не должен рассматриваться как препятствие для применения адекватных мер пресечения. Напротив, особый статус должностного лица требует более тщательного подхода к выбору средств обеспечения его надлежащего поведения в ходе

уголовного судопроизводства. Залог в этом контексте может выступать как компромиссное решение между необходимостью обеспечения процессуальных интересов и сохранением гарантий независимости органов государственной власти.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что применение залога в отношении лиц, обладающих служебным иммунитетом, требует существенного совершенствования правового регулирования. Необходимо разработать специальные критерии определения размера залога с учетом особого статуса должностного лица, уточнить процедуры согласования с соответствующими органами власти, а также установить дополнительные гарантии эффективности данной меры пресечения.

Согласно действующей редакции статьи 106 УПК РФ, залог определяется как внесение или передача подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом недвижимого имущества, денежных средств, ценностей и допущенных к публичному обращению ценных бумаг в целях обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения новых преступлений и действий, препятствующих производству по уголовному делу. Данная формулировка отражает современное понимание залога как комплексной меры процессуального принуждения, направленной на достижение множественных целей уголовного судопроизводства.

Анализ нормативного регулирования показывает, что законодатель установил дифференцированный подход к определению минимального размера залога в зависимости от категории преступления. Для преступлений небольшой и средней тяжести минимальная сумма составляет 50 тысяч рублей, для тяжких и особо тяжких преступлений - 500 тысяч рублей. Отсутствие верхнего предела размера залога предоставляет суду широкие дискреционные полномочия, что одновременно создает возможности для индивидуализации мер пресечения и порождает проблемы правовой определенности.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования залога выявляет существенные различия в подходах к данному институту. В германском уголовном процессе внесение обеспечения рассматривается не как самостоятельная мера пресечения, а как средство приостановления исполнения судебного постановления о заключении под стражу, что применимо исключительно в случаях обоснования содержания под стражей потенциальной опасностью для личности. Азербайджанское законодательство ограничивает применение залога определенными категориями преступлений, исключая особо тяжкие умышленные преступления, что отражает более консервативный подход к использованию данной меры пресечения согласно статье 164.1 УПК Азербайджанской Республики. Такое ограничение обеспечивает большую предсказуемость правоприменения, но может создавать избыточные препятствия для реализации принципа презумпции невиновности в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений. Опыт Республики Казахстан демонстрирует иной подход к предмету залога, включающий не только денежные средства, но и движимое и недвижимое имущество с обязательным наложением ареста на принимаемое в залог имущество. Особенностью казахстанской модели является возможность возложения на лицо, в отношении которого избрана данная мера пресечения, дополнительных обязанностей согласно части 3 статьи 140 УПК Республики Казахстан, что создает комплексную систему ограничений и обязательств.

Данный подход представляется более гибким и учитывающим различные аспекты обеспечения процессуальной дисциплины, однако требует более сложного административного сопровождения.

Должностные лица, принимающие решение об избрании данной меры пресечения, сталкиваются с необходимостью сбалансировать финансовые возможности залогодателя и эффективность залога как гарантии надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Отсутствие четких критериев оценки приводит к субъективизму в принятии решений и потенциальным нарушениям принципа равенства перед законом.

Предложения некоторых исследователей о создании формулы для определения размера залога заслуживают внимания, поскольку они направлены на создание объективных критериев оценки. Однако такие инициативы требуют более детального обоснования и учета множественных факторов, включая тяжесть преступления, размер причиненного ущерба, доходы залогодателя и экономическую ситуацию в регионе. Разработка подобной формулы должна основываться на эмпирических исследованиях эффективности различных размеров залога и их влияния на поведение подозреваемых и обвиняемых.

Проблема социального неравенства в доступе представляет серьезный вызов для справедливости уголовного судопроизводства. Лица с ограниченными финансовыми возможностями оказываются в заведомо невыгодном положении, что может приводить к их содержанию под стражей исключительно по экономическим основаниям, а не в связи с процессуальной необходимостью. Данная ситуация противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, требуя разработки механизмов компенсации социально-экономических различий между участниками процесса.

Риски, связанные с неадекватным определением размера залога, проявляются в двух противоположных направлениях. Установление чрезмерно высокого залога фактически исключает возможность его внесения и превращает данную меру пресечения в формальную альтернативу заключению под стражу. С другой стороны, слишком низкий размер залога может не обеспечивать достижения целей уголовного судопроизводства, создавая стимулы для уклонения от участия в процессе или совершения новых преступлений.

Процедурные аспекты применения залога также нуждаются в совершенствовании. Действующее законодательство не содержит детального регулирования процедуры оценки предлагаемого в качестве залога имущества, что создает практические трудности и может приводить к

злоупотреблениям. Необходимость обеспечения ликвидности залогового имущества и его сохранности в течение всего периода производства по уголовному делу требует создания специализированных механизмов управления залоговым фондом. Развитие института государственного залога для социально незащищенных категорий граждан могло бы решить проблему неравенства в доступе к альтернативным мерам пресечения. Такой механизм требует создания соответствующих бюджетных программ и процедур оценки права на государственную поддержку, но может существенно повысить справедливость уголовного судопроизводства.

Вопросы возврата залога при различных вариантах завершения уголовного дела требуют более четкого нормативного регулирования. Существующие положения о переходе залога в доход государства при нарушении обязательств не всегда учитывают степень нарушения и его влияние на ход судебного разбирательства, что может приводить к несоразмерным санкциям. Необходима разработка градуированной системы ответственности, учитывающей характер и тяжесть нарушений залоговых обязательств. Перспективы развития института залога связаны с необходимостью комплексного реформирования, учитывающего как процессуальные, так и социально-экономические аспекты его применения. Создание дифференцированной системы залогового обеспечения, учитывающей различные категории лиц и преступлений, может способствовать более справедливому и эффективному использованию данной меры пресечения.

Совершенствование судебного контроля за применением залога должно включать разработку единых стандартов оценки обоснованности его размера и условий применения. Создание специализированных методических рекомендаций для судей и следователей может способствовать унификации правоприменительной практики и снижению субъективизма в принятии решений. Интеграция института залога с другими мерами процессуального принуждения требует системного подхода к реформированию всей системы

мер пресечения. Создание комплексных программ надзора, сочетающих финансовые гарантии с иными формами контроля, может повысить эффективность обеспечения процессуальной дисциплины при одновременном соблюдении прав личности.

Согласно статистическим данным, доля залога в общей структуре применяемых мер пресечения составляет лишь 0,01-0,03%, что в абсолютных цифрах не превышает несколько сотен случаев в год. Для сравнения подписка о невыезде применяется в 85-87% случаев, а заключение под стражу - 12-14%. Такое положение дел свидетельствует о явном дисбалансе в системе мер пресечения и требует глубокого анализа причин сложившейся ситуации [29].

Таким образом, обобщающий анализ современного состояния института залога в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод о необходимости комплексного реформирования данной меры пресечения. Существующие проблемы определения размера залога, социального неравенства в доступе к данной мере пресечения, процедурных недостатков требуют системного решения на законодательном уровне. Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к регулированию залога, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Российская модель залога нуждается в совершенствовании в направлении создания более справедливой, эффективной и технологически современной системы, обеспечивающей баланс между защитой прав личности и интересами правосудия. Перспективы развития института залога связаны с интеграцией современных технологий, созданием механизмов компенсации социально-экономического неравенства и совершенствованием процедур судебного контроля за его применением.

Институт залога в уголовном процессе представляет собой одну из мер пресечения, которая, несмотря на свой значительный потенциал, остается крайне редко применяемой на практике. анализ современного состояния этого правового института выявляет серьезные проблемы как в нормативном регулировании, так и в правоприменительной практике.

Заключение

Проведенное исследование мер пресечения в уголовном процессе России позволило сформулировать ряд важных выводов и предложений по совершенствованию данного института.

Меры пресечения представляют собой особую группу мер процессуального принуждения, обладающих комплексной природой и выполняющих превентивную, обеспечительную и ограничительную функции. Исторический анализ показал эволюцию системы мер пресечения от карательных к более гуманным формам, соответствующим международным стандартам прав человека.

В действующем УПК РФ закреплена дифференцированная система мер пресечения, однако на практике наблюдается дисбаланс в их применении с явным преобладанием заключения под стражу и подписки о невыезде. Альтернативные меры (залог, домашний арест, запрет определенных действий) применяется редко, что свидетельствует о консерватизме правоприменительной практики.

Домашний арест применяется исключительно при наличии соответствующих оснований в любое время в ходе предварительного расследования. Важно помнить, что допустимость домашнего ареста прямо связано с выдвинутым обвинением. Так, суду надлежит проверить законность выдвинутого против лица обвинения, что неизбежно повлияет на решение суда о необходимости меры пресечения. В случае с подозреваемым в преступлении необходимо действовать по норме ст. 100 УПК РФ. По отношению к военнослужащему домашний арест может использоваться также и в ходе рассмотрения его дела судом. Проблемы избрания исследуемой меры пресечения можно обозначить следующим образом. Одна группа проблем касается определения места домашнего ареста и объема ограничений прав. Вторая группа связана с критерием степени тяжести преступления и наконец, сложность может представлять определение круга граждан, к которым

целесообразно применить домашний арест. Относительно проблемы места, то с учетом необходимости соблюдения ряда требований к помещению, характера правового режима для арестованного, возможностей осуществлять контроль исполнения этого режима, можно взять под домашний арест не каждого обвиняемого, к которому он может быть применен. Хотя эта проблема все чаще решается с помощью современных технических средств контроля. Без таких средств реально контролировать соблюдение режима домашнего ареста можно было в отношении отдельных лиц, например, военнослужащих.

При проведении исследования выявлены существенные пробелы в правовом регулировании отдельных мер пресечения, особенно залога и запрета определенных действий. Отсутствуют четкие критерии избрания мер пресечения, что приводит к субъективизму и нарушению принципа соразмерности.

Так, в современном уголовно-процессуальном законодательстве институт залога регулирует статья 106 УПК РФ. По смыслу указанной нормы залог, как «мера пресечения может применяться на любой стадии уголовного процесса путем внесения (передачи) непосредственно самим подозреваемым (обвиняемым) или другим физическим (юридическим) лицом недвижимого (движимого) имущества. В качестве залога выступают деньги, ценности, допущенные к публичному обращению в РФ акции (облигации)» [23].

Данная мера пресечения представляет собой денежное обеспечение исполнения процессуальных обязанностей лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, что отличает её от иных мер пресечения своим имущественным характером. Целевое назначение залога заключается не только в предотвращении сокрытия лица от органов следствия и суда, но и в обеспечении явки к следователю, дознавателю или в суд, а также в предупреждении продолжения преступной деятельности.

Важность правильного понимания целей мер пресечения обусловлена необходимостью соблюдения баланса между интересами уголовного

преследования и защитой прав личности. Залог в этом контексте выступает как компромиссное решение, позволяющее обеспечить эффективность уголовного процесса при минимальном вмешательстве в личную свободу обвиняемого или подозреваемого. Имущество может быть использовано в качестве залога только при условии предоставления документов, подтверждающих право собственности.

Недостаточно развиты механизмы контроля за исполнением мер пресечения, не связанных с изоляцией. Для решения данных проблем предлагается внести изменения в УПК РФ, направленные на:

- детализацию оснований и порядка применения каждой меры пресечения;
- введение системы критериев выбора меры пресечения;
- расширение возможностей комбинирования мер пресечения.

Также необходимо развивать электронные средства контроля за соблюдением мер пресечения. Целесообразно внедрить специальные методики оценки рисков при избрании мер пресечения.

Отметим, что дальнейшая гуманизация системы мер пресечения должна идти по пути расширения применения альтернативных мер, не связанных с изоляцией. Так, требуется гармонизация российского законодательства с международными стандартами в данной сфере. Важное значение имеет совершенствование профессиональной подготовки судей и следователей по вопросам применения мер пресечения.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило необходимость комплексного подхода к реформированию мер пресечения, сочетающего совершенствование законодательства, правоприменительной практики и механизмов контроля. Реализация предложенных мер позволит сделать систему мер пресечения более эффективной, справедливой и соответствующей принципам правового государства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184-190.
2. Бадмаева Т.Н., Церенкеев С.Б., Мещанов А.Ю., Менкеев Ю.Э., Эренженов А.М. Основания и условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Аграрное и земельное право. 2022. № 8 (212). С. 161-164.
3. Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. 147 с.
4. Гольцев А.Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.
5. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.06.2025).
6. Жеребкин В.Б. Логический анализ понятий права. Киев: Высшая школа, 1976. 150 с.
7. Замылин Е.И. Реализация государственной функции по обеспечению безопасности уголовного судопроизводства как одно из оснований применения мер пресечения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1 (20). С. 97-103.
8. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М. : Юридическая литература, 1974. 232 с.
9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1975. 172 с.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : «Юрайт-Издат», 2017. 752 с.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. В.В. Мозякова – М. : «Издательство «Экзамен XXI», 2016. 864 с.

12. Муравьев К.В. Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 27-35.

13. Орлов А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3. С. 48-51.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О.

15. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 11 июня 2020 г.

16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.

17. Пахоменко Т.В. Залог: Правовое регулирование // Журн. рос. права. 2017. № 11. С. 14-18.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень ВС РФ, февраль 2014, № 2.

19. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П.

20. Рыжаков А.П. Меры пресечения. М., 1996. - 176 с.

21. Смирнов М.В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Рос. следователь. 2003. № 4. С. 23-24.

22. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. - 511 с.

23. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

24. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

25. Ушаков А.С. О понятии «применение меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 22-25.

26. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10 октября 2022 г. № 41 ст. 6945.

27. Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019- 2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26-31.

28. Шаров Д.В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 72-75. 47.

29. Шишов А.В. Проблемы применения залога в качестве меры пресечения // Законность. 2020. № 8 (1030). С. 56.